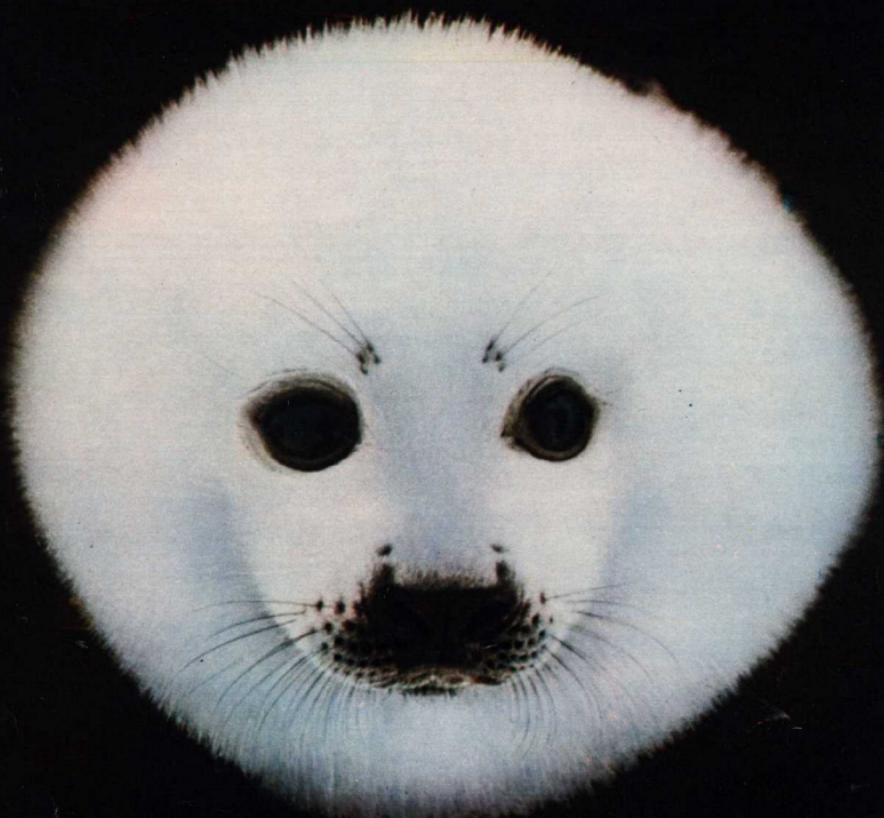

**ЧЕЛОВЕК ОХРАНЯЕТ
ПРИРОДУ**

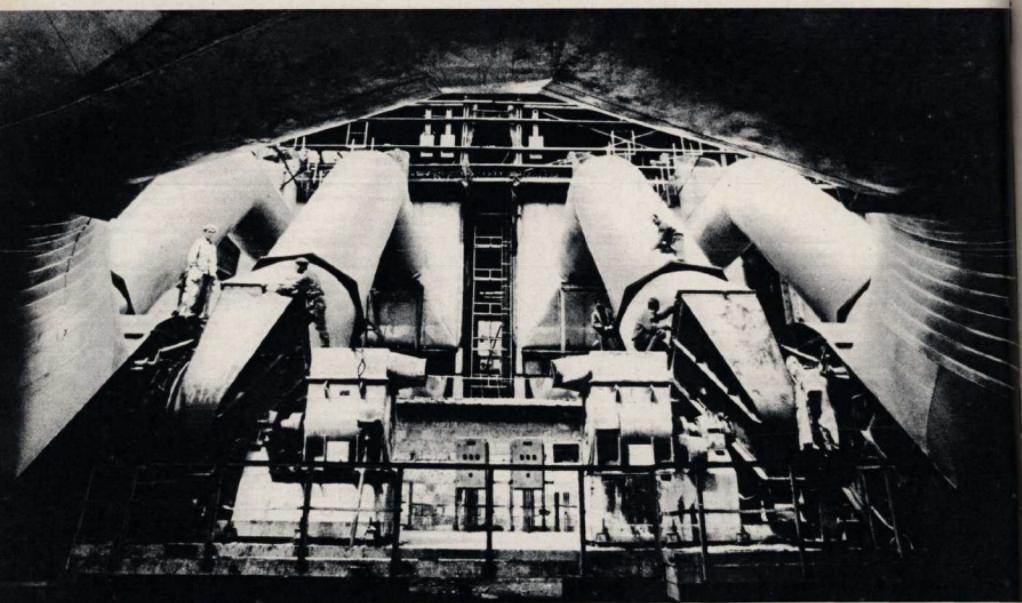

№ 22 НОЯБРЬ 1970

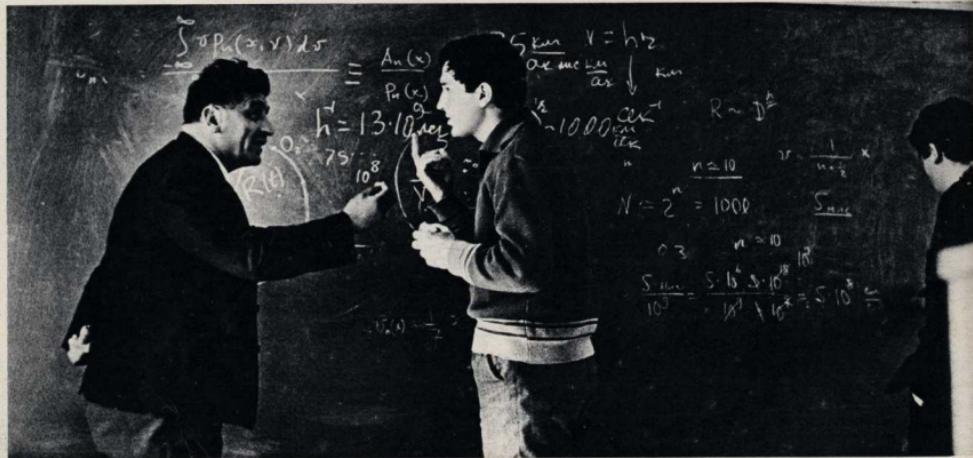
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

50 ЛЕТ

Рождено пытливой мыслью, проверено наукой, построено рабочими руками...

ИСТОРИЯ, ДОПОЛНЕННАЯ ПОЛУВЕКОМ

Aрмения. Три тысячи лет ее истории... Как в калейдоскопе, войны сменяются войнами. Топчут плодородные земли Армении и рушат ее храмы персы, полчища Македонского, римские легионы, арабские скакуны и орды Тимура, сверкают турецкие ятаганы...

Казалось бы, народ должен погибнуть. Но рядом была Русь. В трудные годы она не раз протягивала руку помощи Армении, заслоняя ее от постоянной опасности физического истребления. Но и это еще предистория. В «первые народы», чем была царская Россия и для армян, трудовой люд уже разучивал первые такты «Интернационала», собирая лучших сынов и дочерей в пролетарскую партию...

Маркс называл революции «локомотивами истории». Путь, пройденный рабочей Республикой за пятьдесят лет, еще раз подтверждает правоту его слов. Он отмечен такими вехами, которые говорят о богатырской поступи армянского народа.

Когда комсомольцы Армении в двадцатых годах по призыву партии начали строить Дзэрагэс, потом взяли шефство над электрификацией Республики, они видели уже тогда каскад севанских гидроэнергетических сооружений, Ильичеву лампочку в крестьянских домах, мощные моторы, которые приведут в действие тысячи станков. Они не думали о том, что совершают подвиг, хотя за участие в электрификации армянский комсомол в 1932 году был удостоен ордена Трудового Красного Знамени Закавказской Федерации. Они работали и, работая, мечтали. Но даже самому отчаянному фантазеру ни пришло бы в голову утверждать, что спустя 50 лет их республика будет производить электроэнергию почти в три раза больше, чем ее давала вся дореволюционная Россия.

Можно привести бесконечное множество фактов, цифр, свидетельствующих об огромных успехах республики во всех отраслях народного хозяйства. Теперь то и дело можно встретить за рубежом сложнейшие машины и оборудование, сделанное в Армении. В семидесяти стран мира вывозит республику свои промышленные изделия. Сто восемьдесят раз вырос объем промышленного производства.

Но история свидетельствует, что величие каждой эпохи обуславливается в жизни нации не только техническим прогрессом, но и духовно-нравственным потенциалом.

Возьмем только науку. Более чем в 100 научно-исследовательских учреждениях работают 11 тысяч 600 научных работников. Широк диапазон их поиска — от разгадки тайн земных недр

Пролетариев всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 22 [104]
НОЯБРЬ
1970

Иллюстрация: грекийский
трагик — флагшток генеральных
морей.

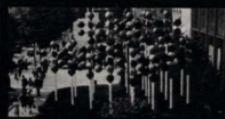
Фото Геннадия КОПОСОВА

Интересно и интересно! Обратите при-
воды: читайте на страницах 16—21

6 ОЧЕРК О БЕТОНЩИКЕ ИЗ
АМУРСКА.

12 ВСЕВЛАСТИЕ ХИМИИ.
Послесловие к междуна-
родной выставке «Химия-
70».

22 «СИЛУЭТЫ» — НОВАЯ РУБ-
РИКА «СМЕНЫ».
Статья Льва ОЗЕРОВА
«ПУШКИН и мы».

28 ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ
ПАВЛА ШЕСТАКОВА «ОТ-
ПУСК В ДАГЕЗАНЕ».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСТАЛЬ»

ЮРИЙ ТРИФОНОВ.
МОНГОЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

РАССКАЗ О МОЛОДЫХ МАСТЕРАХ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО,
ЧЬЕ ТВОРЧЕСТВО ПОСВЯЩЕНО КОМСОМОЛУ

Главный редактор А. Д. ГОЛОУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Дорматовский, К. Н. Замошин,
Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответст-
венный секретарь], В. В. Лудкин [заместитель главного редактора],
Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Строков [главный
художник]

Художник Г. С. Тарзанашвили, Технический редактор Н. И. Будкина,

до изучения небесных тел и процессов в галактиках и в космическом пространстве.

Совету молодых ученых при ЦК комсомола республики с каждым годом прибавляется работы—растут ряды молодых ученых. Три научных конференции прошли за последние годы только комсомол. Грамотность, образование стали в сегодняшней Армении всеобщим достоянием.

История — это тоже дорога. Только соединяет она не города и страны, а бесконечно сменяющиеся поколения. Молоденькая Армения вписывает свежие строки в древнюю историю республики,

Непостижим Ереван. Его дома, обетые в розовый туф, утопают в зелени.

Миллионы лет этим седым горам

которая по экономическим и культурным показателям опередила многие высокоразвитые капиталистические страны.

Все это — результат объединения трудовых усилий братских республик Страны Советов и их подлинно дружеской взаимопомощи.

Юбилей Армении и ее Коммунистической партии — праздник всех народов Советского Союза. Советская молодежь от души говорит:

«С праздником, Армения!
Новых успехов тебе, республика!»

рассеченные строительными линиями новые дороги.

Фото Василия МИШИНА,
Ивана ТУНКЕЛА,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Энергию солнца — на службу человеку.

В ЛЮБВИ СЫНОВНЕЙ ОБЪЯСНЯЮСЬ...

АМО САГИЯН

Журчит, журчит по взгорью
Чуть видный ручеек.
Течет, течет и вскоре
Вливается в поток.
Такой, с которой споря,
Без конца, широк,
Река стремится к морю,
И путь ее далек,
Кто помнит тот на взгорье
Далекий ручеек!
Но горе, если море
Забудет свой исток.

Я помню: осени пожар
По склонам вьется вьюга.
Горят его холмистые зары.
Как от отчаяния!—
А я не могу убежать от него,
Когда не может от никого!
Не страшен он и мне,
Но годы детства моего
Сгорают в том огне.

ПЕРЕПЕЛА

Вы, перепела мои,
Дали мне крылья сон,
Чтоб я мог в небеса взвлечь,
Чтобы мне слегка сизанья,
Сокращая расстяжнь,
От небес до наших сел.
Даже ночью мы взлетали,
Звезды, как зерно, клевали,
В подъезд над коврами гравь
Мы кружили и парили,
Землю песнями дармы.
В темноте речи звали—
Весьма вздыхая наша стая,
В ясных взглядах отражая
Звезды ночи, краски дия.
Если мы не перебьты,
О птенцы Лоравита,
Как вам ныне без меня?

ГЯЗБЕЛ

И снова устремлюсь я ввышину
Дышать снегами моего Гязбела.
Омою рум в туче и вздрогну
Под облаком, как вспышка молнии.
Я вспоминаю отшвыкнувшись тропой,
Я опинюсь наебесной высоте,
Мне тени подадут белая скала,
И морей собственного адохновенья
Измерю я величие ора,
И мощь я, и высоту паренья.
И снова я снег заросью, словно в мех,
И все, что было чerno, станет бело.
Потом спущусь я и опинчу всех
Тех, у кого нет своего Гязбела.

ТЫ ИДЕШЬ, ТВОЙ ПУТЬ НЕПОВТОРИМ...

О время, покалей меня,
Верни, благов сделай дело,
Хоть родний дым того огня,
Которым молодость горела.
Или от моих грядущих дней
Даруй мне малую частичку —
Хоть дальник отблеск тех огней,
Что горят в сердце моем.
Всесильно в мире только ты,
И лишь твой подвластны драмы
И облака моей мечты
И пропасти воспоминаний.

Со своим талантом безъязыким,
Со своим величим невежливым,
С добродат суровой в час прозренья,
С своей неновой точкой зрения,
С жизнью пройденной, и спомом сладким
С любовью, что вспомнила подругой,
Со своей кивечкою любовью,
Со свою красотью волоской,
Кем-то признан, кем-то непоби, —
Ты идешь, твой путь неповторим.

ИСТОРИИ МОЕЙ ПОЛВЕКА

Века слонами нас топтали,
и не был ни один без войн.
В нас членами убивали
и мы убивали собой.
Но войны тоже уставали...
И анова тогда, бея отвое,
тым тиф из недр доставали,
трам убераши там душу свето,
когда судьба пошлет набег...
Но под пытою спустя
многое оставалась кровь.
Тот армянин, который уронил
не только храм в саны дын,
тот, что надемидной вымын, стони...
Я вечно повторюсь в нем.

Он мне доверил это право —
за нашу землю отвечать.
Игра судьбы была без правил,
но я же гордился пешим народом,
в котором в нас ту жажду битвы,
в которой дух наш победил! —
сегодня песни, не молчаны
нам придают для жизни сил.

За всю историю — полвека,
а то и меньше знали мир,
и не жили в нас стихия Нарека!,
и дух наш не был им и спир.

¹ Г. Нарекаци — великий армянский поэт X века.

И вновь — полвека. Но за эти годы, что промеж мой народ, явился к новой жизни деть, мечтам королевы венет! И эти мечты сокрушили они деревни и твердыни! Ахтек мы! Земля родная хранит нас все времена подряд. Она лозе дарует соки, чтоб складки выровняннград. А нам дали свой дух высокий — достойнейший из наград. Твои каманды, Севан, это веха на нашем бесконечном пути. Твои советские полупеки я компасом носу в груди.

Видел я, как буйвол возвращается через много-много лет назад. Где его инстинкты размещаются, что его запомнили глаза!

Видел я, как лошадь возвращается, остается в проданных овца, у которой кротость совмещается с мутным предчувствием конца.

Видел я — собака возвращается в старый дом — на радость киль беду! Человек с чужбинами прощается у тоски своей на поводу.

Людвиг ДУРЯН

Я слушал ветер, был рассвет, я обратился в слух,
и мне послышалось — в горах зовет ягнят пастух,
и вспомнил детство я свое, как дальнюю страну...
...С моих уже седых волос сдул ветер седину.

Я слушал ветер, словно весть, и на исходе дня
послышалось с полей римской римской песни:
и вспомнил юность в свою, как раннюю весну,
...С моих уже седых волос сдул ветер седину.

Я слушал ветер, и печаль моя была легка,
шуршаще нын донеслось ко мне издалека,
и вспомнил первую любовь, которой не верну.
...С моих уже седых волос сдул ветер седину.

Я слушал ветер, он меня покинул опалихи:
он пыль священную принес с родительских могил.
С моих уже седых волос он седину сдувал.
...И на горе библейской снег сильно засверкал.

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Водосточные трубы...
Полуденный час...
Летний зной мом губы
обижает, как вас.

Перехвачено горло,
небо — дни не видеть.
Нам бы тунку прогорклую
на двоих отыскать!

Водосточные трубы,
как в чувствую вас!
Нас порой нею любят,
гонят тучи подчас.

И деревья колыша,
тук с треском идут

и на красные крыши
рут дождь, как буду.

И когда вам по горло
это море стон,
пьете воду поторопи,
пот и горло болит.

Водосточные трубы,
и спереди понимать,
как бывает вам трудно
временами молчать!

Водосточные трубы...
Пересохшие губы...

Я за мечты мом у вас в долгү,
утесы, в трещинах от жара,
тропа, бегущая наискосок,
у вас, ягната, что в пыли дорог
отбились от отара.

Я за мечты мом у вас в долгү.

Я за мечты мом у вас в долгү,
колоссы и цветы пойи родных,
и дремлю легенды и баллады,
и ставши легендой крылатой
обломки укрепленной крылостных,
я за мечты мом у вас в долгү.

Я за мечты мом у вас в долгү,
туманы белые над чистыми холмами,
орлинный клекот утренней реки,

сидящие под старыми дубами
добрейшие седые старии,
я за мечты мом у вас в долгү.

Я за мечты мом у вас в долгү,
рассветы в страшном зареве
и песни тишины, что больше не спют
товарищи, побывав в бою.
Птицы, что улетели от меня,
я за мечты мом у вас в долгү.

Я за мечты мом у вас в долгү,
каких я не встречал в садах чужих,
и девушки в объятиях других,
что были мне восторгом и радой...
Я за мечты мом у вас в долгү.

Мне кажется, я в чем-то виноват
перед цветами, рано увядавшими,
и нутряющим улетающими,
что надо мной сейчас кричат.

Быть может, от небрежности моей
заглох родник, извилистый и чистый!
И по начам мене терзали мысли
о судьбах грядом выпытых полек.

Мне кажется, я грешен перед той
женщиной, оставшейся без мужа,
которая по жизни долго кротит,
не находя любви своей сияющей.

Все кажется, я — чом-то нагрепши
под этим охлаждавшимися небом...
В чем виноват пред женщиной, пред
хлебом, чего себя, чего других лишни..

Перевели с армянского Петро ВЕГИН, Наум ГРЕБНЕВ, Сергей МНАЦАКАНЯН

Манук КАРАПЕТЯН

Безмолвье гор разбудит гром,
звиздая камни вьюсь повсюду...
Так человеческим трудом
на свете создается чудо!

Пыль замыкает в стоповине,
зрачкуют взоры на просторе,
и люди шепчут вдальнее:
«В Армении родилось море!»

Твердыни камни раздались,
раздан вошел в канал с разбега,
и вспыхнул свет в глубинах глаз
и освещил глубины века...

Армения, мне не хватает слов,
чтобы в любви синевы обниниться, —
мне дорог дым крестьянских очагов,
что над землюю милюю струится!
Люблю высокогорные возвышенности,
и звезды, взвешенные в трубах горных...
Люблю внимать, что шепчет мне родники,
сливаясь с шумом водопадов горных.
Люблю просторы молодых садов
и тополей с ветрами разговоры.
Мне кажется, что думы всех веков
хранят твои дороги, камни, горы...
В долине Арапата потуры,
пустые огорчения отбросы,

РОДИНА

бесчисленные зерна соберу,
перебирая тысячи колоссов!
Мне к Арагату дремеяну не лен,
прийти с поклоном,
он меня услышит...
Здесь голубое облаконый день
высокогорными цветами долот.
И я люблю ущелий глубину,
о чем-то говорящий гулкий воздух.
Люблю Севан, где ночь дает ко дну:
дрожат в воде потоки линий звездных!

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

первый раз мы встретились на крыше антикоррозийного цеха, куда вела шаткая лестница, напоминающая трап... — в ураган синевы, солнца и ветра. Бетонники сидели кружком, кто не спал, кто на спиртке. Ощущение ульбаки, щурясь от солнца под одинаковыми козырьками. Я выбрали усталину, крупу из головы, наломавшую скрытую тенью от кепки. Видел был только мельхиор, пасивный подбородок, вялый рот и довольно правильные ноздри. Но когда парень поднял голову, темные пересмеялись анзис, зачернعوا всю нижнюю часть лица. Голова расширялась и уменьшалась, как будто в драме, где все — это нечто аб-бо. Погорячее дополнили глаза — очи большие, серые и пристальные. Несколько секунд мы разглядывали друг друга. Потом Саша встал и не скромно отошел со мной к краю плоской бетонной крыши. Мы услышались о встрече.

В пять я была у квартрии Рейтуотов на проспекте Мира и слышала, как кто-то плачет под краем. Мне накрою потихоньку и погладила по плечу: «Ничего, это просто звонок», — и сказала: «Погоди, я тебе отвечу». В раздевалке отвече зари золотистые вспыхнули и засияли. Саша молча стоял на верстаке, чтобы было видно. Потом мы долго сидели на скамьях головами, опять же молча. Приводил меня в гостииницу, Саша вдруг попросил подождать его, забежал домой и вынес четыре kleen-чатых тетради. Словно извиняясь за молчание, он протянул их мне.

Утром я встретила гостиницких хлестых щедрых ли- ане. Я села к столу и не колеблясь открыла первую тетрадь. «Колючка и пушки. 1960—62 гг.» — выведенено было корицко и старательно. Это не был

только сполза. Из гипнотизировал загадочный, ни что не похожий мир.

В одиннадцать Саша проводил меня на последний автобус Амурск — Комсомольск. Он шагал под дождем в неизменном своем кукен пиджаке, в котором работал и ходил в гости, в стоптанных башмаках и выгоревшей кепке-восьмиклинке, тоже будто спонтанной. С матово-кошмылью лило на лицо, поправляя руками кепку. Саша не смеялся, и коряга его ладонь, покидающая на прощание мою руку, была теплой. Я вошла в автобус, а Саша растворился в ночи, шумевшей по крыши, путях, асфальту и еще не прикрытой асфальтом земле.

Вот и все. Но проходит недели, в штирях этой встречи не отсыпываешься из памяти, даже если спать не хочется. Саша не отрывался от меня, обременяя этикетом, словно странной вея. Саша много что говорил, но рассказывать не хотел. Он уверен, что внешние обстоятельства жизни — лишь обложка, по которой нельзя ни о чем судить. Он хотел, чтобы судили его жизнь по его опалукам, акварелям и «чуркам». Наверное, он был прав.

* * *

Саша Рейтузов тридцать лет. Первая треть его жизни прошла в Уддинских Кавказах, что на столовой дороге от Сретенина на Нерчинский завод. Суровый, глухой приник у Шинки. Золото, окота, тайга. Легко обживались, легко уходили в тайгу, к Нерчинску, в море. Саша рано пристрастился к охоте. Любил слушать, бессречные, такие пространства, а в неподалеку Теряевка в томительных воспоминаниях ощущало самоощущение, он, разумеется, не подозревая, что именно чьи-то одиночества навсегда определяют его судьбу.

Второе десятилетие было встречей с работой. Рассставшись с школой в шестом классе, Саша

бунтовал против угрюмой бессмыслинности рока. «Кто суетят на судьбу, тот суетят на себя, «Чем раньше задашься вопросом, для чего жить, тем больше шансов найти на него ответ».

Однажды Саша увидел рисунок Рокуллы Кента в книге «Я, о господи». Обожженный человек прострил руки к небу, как бы моля даровать ему язык — говорить людям. В напряженных до судорог глазах Саша видел восторг рождения и мука первозданной новоты. В ту ночь Саша написал свои первые стихи.

Стихи его нравились забойщикам, но покоя они не принесли. Впечатления, клокотавшие внутри, не желали превращаться в слова. Словя слагались в бледные мозаики, как в разorenном детском калейдоскопе. Вокруг Саша вспыхивали языки, чтобы занести в память. Саша рассчитывал и уехал в Мурманск. Там нужны были рабочие в геологических партиях. В беликовах безмолвии тундры лучше думалось. Жизнь была неизменидной, а краски светлыми. Одно время даже показалось, вот-вот вырвется торчащевый крик: «Это я!» И вслушает. Но кричать было не о чём. Многое оставалось непонятным. Саша уехал в Елань, в Елань-шахты. Саша сел на велосипед, и, когда последние дни они Мурманск скрылись за поворотом, с радостью понял, что прогретая солнцем земля открыта для него насквозь.

Потом было Чите. Там его настигла осень, багряняя, ослепительная осень Забайкалья. Она румянила из холода ноги потоком золота и синевы. Пора было передохнуть и собраться с мыслями. Зимой Саша уехал в Нерчинск, в Нерчинск и заново. Он встретил великое множество людей, видел рассеченные горы, неоглядные реки, бетонные города, «нужно каждому придумать свою Одиссею, чтобы не потеряться в однообразии». В путешествии человек должен проявить высокую самостоятельность и быть всем, от лесо-

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

“ОТКАЖИТЕСЬ ЖИТЬ”

дневник, это были и в самом деле «афоризмы», как называл их Саша, — торжественные и достаточно категоричные. Я старалась читать с тоскливым недоумением, сплюхиваясь от офорграфических ошибок. Потом невольно усмехнулась и высыпалася одну за другой страницы. Тогда еще Саша не знал, что проходит через человека. Нет жизни — нет времени. Только живой ощущает время: «До последнего вздоха — действуйте». «Мента — долг, который исполнить легков.

Не знаю, как рождались эти «афоризмы». Возможно, под влиянием книг, но чаще, видно, как-то размышили. Меня волновало другое. Неожиданно было, что для автора это не проблема, для рукающих — да. Где-то в глубинах памяти проходила ее жизненный курс с упорством штурмана, идущего к земле обетованной. Пожалуй, это все-таки был дневник. Всё писал же Торо: мысли — истины этапы нашей жизни, все остальное — лишь память о ветрах, что веяли, пока мы были здесь. «Струны настраивались», — писал Саша, — что касается жизни, ее надо строить». Саша видел вперед, впереди — будни, стой на своих барьерах предупреди. «Откровенность — высшая степень совести. «Откройтесь жить вспомнили, вспомнили, вспомнили».

«К вечеру дожди не утих. Я брала, сунув руки в карманы куртки и опустив на глаза капюшон. Под ногами был прозрачный, как жидкое стекло, слой воды. Если смотреть только под ноги, казалось, тротуар покрыт прозрачной пылью. Поглощало, хотя в пухах каскетки самодрочки лежала осень. Амурск был красивый, и я радовалась за Сашу. Мысли, вся душевная голова слишком тесно связана с местом, где живешь».

Саша рубил «Хиругара» из высокой, выше его елки. Он брал долото и стучал по нему молотком. В окно, ничем не занавешенное, смотрели мальчишки. Они приходили каждый вечер. Иногда Саша пыталась их, показывая старые ивора, напинких блюсков и свою «чурку». Мальчишки ували-

научились сплескать, лить бетон, плотничать и водить бульдозер. Радиус его подвижности оставался в пределах детских симпатий: солики, тайга, большая вода. Горный Зерентуй, Нерчинск, Сретенка, Накодло. То же самое склонилось краем с глубины в срезе горы, склонилось к тайге. То же самое склонилось к музыке и асистивеским равнодушес к ценности жизни: «Фортуна наша надыша недв- ведь задарла». «Но-о!» «Третьего дня помэр». «Без шкурь, однако, не поживешь».

Потом Рейтуз выбросил сбес из привычного круга, как бросают кутенка в омут: выплынет или нет? Шаты Донбасса, Колыма, полуостров, Забайкалье, Амурск, Амурск, Амурск... Саша вспоминал сквозь свое присутствие на земле и поверхности высокий смысл жизни, находя лучше ее варианты. Саша искал свой, единственный вариант. Это было свойство его натуры — раскрыться в движении. Есть такой род людей, что обретают внутреннюю свободу лишь в предельном на- прижении сил.

Первая из четырех тетрадей появилась еще в Донбассе. Отмыла руки от угольной пыли, Саша зажимал в горсти тонкую ученическую ручку и, не попадая на линейки, старателено и крупно записывал мысли, занозившие мозг. Соседи по общежитию посыпались над ним, не беззлобно. Они видели Рейтуза в работе и не могли поверить, чтобы такой исклеский забойщик мог заниматься совсем чепухой.

Саша был установлены на бесконечность. Появился на берегах терриконов, терпкий химик спась, детиши, работа — словом, полная чаша. И... однажды чаша расплескалась. Об этом думал шахтер Теряев. Вытигивая с притяжения под утренними звездами со смены. И его ликорадило от непостижимого и торжественного «яз-чем». Зачем любить, смеяться, рубить уголь, если потом только тихо умирать? И, как в действии, он чистил себе чашу, на дне — вечной — безбрежной тайги. «Жизнь — лишь всплеск волны, что гасится венчностью берегов». И тут же всей силой молодости

руба до поэтам. Проехав большие семь тысяч километров, Саша не без удивления открыл, что люди делятся на собственные людей и драконов. «Слово «дракон» в его понятии не было чем-то преображенческим, а тем более ругательством. Так он обозначал образ мышления, некомпетентного, по-видимому, инженерного. Дракон не хотел придумывать Одиссею, чтобы не потеряться в однообразии. В путешествии человек должен проявить высокую самостоятельность и быть всем, от лесо-

бума до погибели. И еще он понял: каждый приходит в мир со своим «я», неповторимым и потому бесценным. Но далеко не каждому удается крикнуть: «Это мое!»

«Во многое надо не верить, но веру в себя должен иметь каждый». «Самостоятельность — лучший способ становления человека».

Он объездил по-России, уставал, был счастлив, трусила, побеждал свои страхи. Виденное и перечувствованное наплавлялось в душу слово за слово. «Человек — аккумулятор мыслей, — писал Зинченко. Саша знал, что это значит, он отыскался от краев земли и в небо космоса извекователя, он ясно увидел картину. Она светилась, как окно в прекрасном, пронизанный солнцем и ветром мир. Синяя вода бился о замысловатый гранит. В веерушках берез перед туннелем ветер. После работы Саша купил в культуре коробку дешевых акварелей и остроносную детскую кисть. Саша сидел на берегу, смотрел на края и края и засматривался на яркий рыбий скелет, он отдал от разбитого окона светлый четырехугольник картона и сел рисовать. Сначала была пустота и усталость. Потом картина снова засверкала в голове. Синева, золото, ветер. Саша видел ее так отчтвенно, что сердце колотилось к руки стояла. Немного перебороть кисточкой, и синева переливалась на картон, станет легче. Но не удавалось. Саша сидел на берегу, смотрел на края и края, беспомощно терзая кисточкой. И жандар, синеватое пятно плыло на картон — золотистый отблеск пожара, пылающего в голове. Под утро,

обессиленной. Саша заснула, уронив лобастую голову на свое уродливое дитя.

Портрет картоном, он шел и тоже сильному и странному чувству, что настигло его на страже великих гор, под ногами горных хребтов, в тайге. «Если фантастичны идеи к памятнику, можно совместить неоднозначное». Действительно его не устроило «однозначное». Он решил, что ему хотелось— не всегда безразлично приносится в искусство казалось ему концептуоном. «Жизнь», волунт тогда, когда художник отдает ей эпизоды.

Каждое утро Реутов залезал в свой скискастер. Работал он спортивно и легко. А по вечерам, снимая в горсти крупную истину, обливавшись потом, как грязью. И однажды на картоне засветился синева. Потом, над ней зловещим молчанием замерзла гора. Вокруг ее вспыхивали языки огня. Тихо наступал на солнце, ветер разнес тоники ветра первую листья. Ослепительная горная вершина, но там в приступе высотного удушья погиб человек. Это рождал трубы, напряженный цвет. Природа не выносит цветового напряжения. Не-пряжено сердце человека. Об этом всегда помнил Рерих. Саша бережно хранил репродукции с его картинами, боялся, что если их увидят, заберут он. Бунтующие, наивные счастья и чудеса краски — удел юноши. Они восходят к тем незапамятным временам, когда из недр неизвонимого хаоса мучительно и жаждо выбивалась к солнцу первая живая клетка. Горы, реки, солнце, вечные. Но вот их безжалостное единство оказалось удобным для жизни. И появилось напряжение. Потом родились эпохи. И невозможное стало быть никакими способами. И вспыхнули огни. И люди сумели от счастья открыть мир заново с непростируемой синевой вершинами. Люди умирают от болезни сердца, не дойдя ста метров до этой вершины. Саша видел землю только такой — по-навшшей или сожжющей человека. И краски кро-воточили или сняли, как празднично начищенная

улицы с каждым месяцем все реальность вырезались на сопках. Сердце ощущало острую резницу, вызывавший город из небытия. Саша ушел в тень, долго бродил, слушая звон старых сущин, потом выбыл из широкого плямистой чащи, больше книги доски. В мастерской, едва рука и живое плоть дерева соприкоснулись, время перестало существовать. Очнувшись, Саша обнаружил, что в мастерской стояла статуя, стояла — Кольцов. Портрет выплыл из затуманнейший образ, всплыл вновь драматичной, российской мицью. Сама обреченностя его поднога была неотразима. На другой доске Саша вырезал вонзин Евпатия. Сбросил тяжелые, пропотевшие рубища смерди развалились в реке. Сильные их тела шли в воде волны и радостью. На земле было солнце. А ждали их смерть. Добро и зло снова встретились.

Саша был жив, если бы не найдеш пути к спасительности! «Красота земли принадлежит добрым людям».

«Расследует комиссар». Мгновение — и не станет человека с добрым лицом, опущенным бородой. Что вмещает в себя это мгновение? Приникнула от пруги фонарь, склонился над картой измученный Миндендорф. За спиной его крест. Еще один — впереди светит свет. Но Миндендорф не знает этого ярко по его лицу. Он дойдет потому что жертва не бывает напрасной. И во взгляде комиссара Шерова — вторая жизнь, ее дает революция, за которую он побежг. «Революция — право на постоянное переустройство мира», — записывает Саша. Никто не может лишить человека этого сияющего права. Саша оказался один из самых последних, кто еще верил в свободу и справедливость. У тела матери окончен от горы смысла. Темно разверзлась пустота. Непоправимо. Но вверху, над крышей, к яркому весеннему солнцу летят обладные от счастья грачи. Когда-нибудь сын tolпит дверь и выйдет к солнцу, неся в себе образ ма-

жайте мир мрачны, мир должен отвергаться». «Посмотрите на мир глазами человека, жаждущего жизни, и тебе станет ясно, чем прекрасна жизнь». «Стель живая, если в ней есть хоть одна юрта».

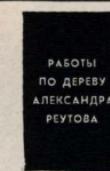
И еще одно из странных осмыслило война. Она приходит в мир как отрижение добра и жизни, потому что цель ее — смерть. Убить, искалечить, замучить. Для этого ли в парных дебрях исторического мира искали друг друга теплых живых существ? Кровавый кошмар насилия, ошеломлявшие, двадцатый век «Вторгся во все исследование», — советует себе Саша. И начинает вспоминать комедию «Венецианцы». «Двадцать одна ночь» — это погоня, искажение, изранение, безногие, жестокие насекомые. Коллективы каждой доски намеренно склонены. Фигуры сплетаются в страшный, напряженный орнамент, впадающий единий центр. Человечество не в силах забыть перенесенный кошмар. Оно полно любви, но готово и к ненависти: пришедший с мечом от меча и погибнет.

К теме насилия Реутов возвращается не раз. В одном из цехов целиковозного комбината стоит доска из женской меди. На ней страшным уносающим образом изображена женщина, погиблая волнистая Уст-Карской катария на беспощадное обращение. Крик против нее не мог пребыть толпой токсичных стен. Только смерти это оказалось под силу. Реутов как бы спрашивает: можно ли сломить человека, если он с собственной смертью обращается в орудие борьбы?

«мир принадлежит мумифуз», «Протест против того, что гнетет и скорбляет человека, — долг каждого», — избраны будет этой спутницей, если однажды не осмыслишься сказать правду».

От картины к картине Реутов идет к основному итогу: жизнь — огромное счастье. «Жизнь замечает

ВПОЛЧУВСТВА"

меди. «Ты чего-то, паря, загнул,— назывались откровенные Сашини зрители.— Голец у тебя красный, как кровь. А речи смурные, похоже — вывернули в нее все синюю производственную пропаганду. Саша отвечал. Но перед тем, как сидеть, он вспомнил: Виноградов увал гармонии — цветы горы и синие из невозможности рени. «Ты бы привыкли у берегу да и спросили!» — советовали приятеля. Большо было смотреть, как он переносит. Саша садился в лодку и ехал искать. Он пересек на моторке Байкал, прошел Братское море, спустился на вспахах по Ангаре, достиг по Енисею Каирского моря («Бильгуэ энэ»). Потом ехал вдоль реки и озер («Уланские каменные, залесенные столовьи в очищении»). Потом пройдет Амур, переплынет Татарский пролив и пересечет на велосипеде Сахалин от Охи до Корсакова («Угловатый»). Жизнь кругом стала становиться циннее год от года...».

Глаза Реутова напоминали озера в дюйда. В них отражалась вся сущность мира. Саша верил, что все на свете зависит только от нас. «Художник должен спасать себя, будет ли нужно и интересно людям то, до чего доходит его творческая мысль». «Каждый художник рождается для своей истиной». В нашу первую встречу на крыше цеха я узрала Сашу по усталости. Люб, взгляд — это зачечалось потом. Первой бросалась в глаза усталость, что приходило не от физического изнеможения, а от глубокого, озябшего сознания синевы. Непрекращающаяся усталость внутреннего поиска, которая стягивает и озявит лицо ровным, ясным светом. Когда мы встретились, Саша уже нащупал свою истину среди многих миллионов больших и малых человеческих истин. И это отражалось в его «чукрах» и картонах.

Лет шесть назад Реутов прочитал в газете, что строится музей белорусской глины под Бобруйском от Комсомольска. Нитуница подсказала, что юный, растущий город поможет «прекратиться» и ему. Саша бросил все и переехал сюда. Очертания

тери. Человек не уходит бесследно. Его нежность, доброта, талант остаются. «Как же не любить жизнь, если миллиардер в клеточке нашего тела ведет борьбу за ее пламя?»

Саша — художник — нет. Но художником он является в общем смысле, как говорят: мысли, страдания, радость. И, ставя, раскрывается сам. Всё отдается всем и значит обратить свое «я». Толстой рассказал притчу о кове. Была на земле странная засуха. И вот однажды忽然 маленькая девочка вышла с ковомом помыться водой для большой матери. Она долго искала и наконец услыхала из знаменитой земли: «Мы — художники, которые можем быть полон любви». Родители, кинувшие девочку долой в чуть не расплескала воду, сплотившись о собачонку, которая просила пить. Девочка отмыла ей в горды воды. И ковши из деревянного ствола серебрными. «Пей сама», — сказала матя, когда девочка подала ей ковш, — мне то уж, видно, не податься». И ковши из серебряного ствола золотыми. Девочка поднесла воду к матери и сказала: «Мы — художники, которые можем быть полон любви». Саша — художник, кинувший ее в землю японские голенищевые березки. Ветер клонит к земле японские голенищевые березки, но на воспаленном глиняном яру уже тянется к солнцу трава. Добро все-таки побеждено! Реутов не показал силы, чтобы открыть эту венчущую истину на земле. Но Саша знал, что это возможно. Потому что в искусстве нет беззличных, общих истин. Есть истины, выстраданные художником, которую мы принимаем или нет. «Художники, не изобра-

тельные тем, чтобы люди могут любить друг друга и находить общие интересы, борясь за прекрасное».

Работал он не разбираясь. Спал, едя когда придется, «чурки» темами друг друга. Саша торопливо и осторожно из деревьев, соломы, соломинок, хлеба, дроби, листьев. Особенно дороги были ему те, что несли в себе отблеск предоленного страдания, сомнений, одиночества. Люди, открывшие в себе человека. Непреклонный, умный Беринг. Гордая женщина из тайги. Саша наслаждалась теплом этих имущихся вокруг людей. Его поражало их мощное, драматическое, но всегда готовое воспринять чувство свободы и единства и доброты наравне с любовью и страстью.

Года три назад в Амурском приставил памятник, признанный художник Хабаровска Иннокентий Горбунов. Он зашел к Саше и долго всматривался в разросшуюся семью его героев. Саша подстегни заглядывал ему в глаза. В тот вечер он запишил: «Нужно отдавать на суд первые творческие... страсти... к творчеству может оказаться ошибкой». И не будешь смеяться, когда Саша, в своем бородатом донбасе для Саши персональной выставки в Хабаровске. Никому не известный бетонщик, никогда не посещавший даже изокурочки, получил зал в краевом художественном музее. Это вызвало удивление. Но Горбунов был настойчив. И вот пронзительные реутовские акварели, грубые, пахнущие лесом «чурки» всплыли в торжественный, но в то же мгновение зыбкий свет. Уже не было беспомощности среди чучек, оконь, белых стен. Саша не нашел в себе силы уйти от них. Рассет застал его спящим на тяжелом музейном стуле. Жизнь его, расписанная на картонах и «чурки», кротоватами киновари со стеклом, выглядела глуповатыми и липовыми сучками. Утром, пришли первые посетители. Их было мало. Днем стало тесно. К вечеру яблоко на столе было съедено. Саша не успел. Саша метнулся по Хабаровску — то растворяясь в оживленной толпе у Фларескини, то спускался к Амуру и, привлек к паралепту, смот-

ДАБИР

Альберт ЛИХАНОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

рел на снежную бесконечность, то коченел на заледеневшем склоне камней посреди пустынного Уссурийского бульвара. К ночи его, полузамерзшего, с трудом отыскал Горбунов. Отпавшая Сашу крепкою чаем, он говорил об успехе. Он принес с собой книгу отзывов. Люди писали хорошее. Одни — признавали Рeutова на верху. Другие — угадывали в нем будущего писателя, открытия. «Обязан буду ходить за мной и даже синтесь» — предсказывал института культуры. «Рeutов — это здорово. «И вечный бой, понад нам только синтесь...» — студенты. «Искренне восхищенный талантом А. Рeutова. Это действительно художник, «богом даный», человек нового типа, таким людьми можно гордиться» — профессор Разумный.

Однако и Саша и Горбунов понимали, что к подлинному краху неизбежны катаклизмы. О своей возросшей известности Саша старалась не думать. С рассказом оншел через дорогу, по рыхтым развороченным строительством поля к новым корпусам комбината скользячими опушками и заползать в них бетон. На исходе дня возвращаясь, долго тер пемзой ладони и, перекватив чего-нибудь из ходу, бежал в мастерскую. Иногда по пути из садика к нему заходили из Михайловки женщины, стояли и смотрели, как радостно высвобождается Саша из дерева сияющей глаз, уголок рта. Женщины накинывались на струшки, мототок, стамески. Казалось, они оба играют — большой и маленький. В Саше сколько угодно осталось детской веселости и наивной доверчивости. Взрослые заботы не волновали его — мебель, одежда, деньги. Правда, иногда ему хотелось казаться взрослым, оторваться от детства, но это было по-детски замятно и несерезно. Только дважды за десять лет Саша покалек о деньгах: «Жизнь — пропасть, а деньги — ветер» и «Деньги — погода жизни». Видно, куда-то хотелось поехать, а билет оказался недорогим. Впрочем, этими афоризмами в отличие от других он никогда не пользовался в действиях. А действие — основа рeutовского существа.

Саша — член комсомола, ведет фотографии Амурского, печатается в газете, создает краеведческий музей. «Посвятить себя мелочам общественной жизни — служить идеям большого размаха».

И Саша был счастлив. Радовался он, как мальчишка, и своей выставке в училище строителей. И две любимые «гравитации» с благородными именами — «Мария» и «София» — вручили библиотеке. Не забывала Саша и «старик» Виртуоз, и «дядя Боб» и для себя тоже. «Настоящий человек — борец и деятель, отвечающий за все — от человека до времени». Саша вырезает на двадцати досках «Амурскую повесть» — напряженное, страстное повествование в дереве. Скорее это не повесть, а поэма. Композиции досок ритмичны, цвет то красный, тревожный, то радостно-золотистый, напевен, как ямб, и немало разговора друг с новачком. Саша понимает, что придется драматизировать блеск — ошибки. До грандиозного монтажа киноленты паче — двух струнчатых, драматических вертикалей.

Этот рассказ о духовном очищении, которое проносит труд. О совести. О доброте. «Не причиняй своим рукам тяжести за помощь», руки обязаны быть могучими, «быть честным — первый долг человека». «Суди и действуй справедливо». Но будешь укорять себя за то, что в мире жил трусливо, боялся только за себя, «фев менты мало работают, однообразно живется, плохо верится». «Уважение к своей работе — высшая степень моральности».

Рeutов не просто рисует — он щедро делится сквозь открытые миры, мыслями, высеченными в ликораде ночей. И потому грубость его работ не оскорбляет, а простота не опускается до примитивности. У Саши есть отличная доска «бессмыслица». Придуманный средь всего разномастных горней — посвящена ей доска. С воспаленными, покрасневшими глазами смотрит красно-черное страшдающее лицо. «Засинеть — проснешься ли здесь опять? Успеем, успеем, успеем спать!» Эти цветающие строки понятия каждому творческому. В мужах бессмыслицы рождается истина, зреет решение. Только потом придут свежесть счастья и радость пробуждения. На обороте доски Рeutов рисует ясное лицо решившего и решившегося человека. Страстный призыв мыслить, жить, мыть чистой своей ответственностью захватывает и потрясает.

Как-то Саша написал в дневнике белые стихи: «Сквозь тыму я смотрел на плещущий огонь. Мне думалось: когда потухнет — лягут спать. Но он сиял, как звезда. Там что-то делали люди, им не спалось. Значит, и мне надо о чём-то думать, что-то делать...» Несколько строчками ниже он признается: «Не было дня, чтобы ты не хотела спать».

В тот вечер, едва Толик увидел отца, встретившего его у завода, он сразу понял, что произошла какая-то важная перемена. Что-то случилось.

Отец шел размашисто, широкую и голову прямо держка и не слушался совсем, как обычно, а увидев Толика, ему не улыбнулся, кивнул только, как взрослому, обнял его за плечи, и они быстро поднялись в дом.

У порога их встретила мама уже с тазиком в руках. Отец решительно снял пальто, окунул руки в воду и стал медленно намыливать их, медленно-медленно, будто собираясь с мыслями. Толик приглядывался к нему, отчего то волнуясь, и то, что отец, неожиданно стремительный и резкий сегодня, варут синева стал взад и тихий, бросаясь в глаза. Толик внимательно смотрел, как отец, царапально прополоскав руки, медленно вытер их, потом, оставил полотенце, не спеша шагнул к столу и вдруг позывал громко и требовательно:

— Мама!

Сейчас у Толика колыхнулась. Мама подошла к отцу, улыбаясь, все никак не нарывалась домашнему плюсу и порядку.

Отец стала спиной к Толику, его лица не было видно, но по спине, ступавшейся больше, чем обычно, по тому, как решительно и тревожно позывала отец маму. Толик понял, что сейчас опять будет что-то тяжелое, и напрягся, как струна, сжался в комочек, глаза на маму.

Бабка и мама смотрели на отца, синевшись за стол, и Толик хорошо видел их лица. Они поклонились на зеркало, в котором отражалась эта сцена, и Толик, боясь, что сейчас опять будет что-то тяжелое, вошел в кухню. Бабка Шуша вытиралась тоже, во внимание не было другого, не как у Толика. Она стала словно каменной, лицо ее теперь походило на маску — есть такие маски, их в Новый год напаковывают, только там все маски смеются — у всех на лицах застывший смех, — а тут маска была мрачная, и еще на нее изобразилась беспомощность. Мама, чего там ни говори, а я все лучше тебе знаю. Все одно, последнее слово за мной!

Мама же, нет, — она теперь волнилась, ее лицо вздрагивало, ждало.

— Маша, — сказала отец. — Я получила зарплату.

Он сушил руку в кухонном полотенце.

У Толика всплыла мысль о том, что отец волновался из-за этого, ведь это первый раз в новом месте зарплаты получены. Арготуя бабкина маска, расплывалась не в улыбке, а в какой-то неясной гримасе, варухнула мама.

— Здесь, конечно, побольше, — сказала отец. — Тем было раньше... Но я...

Он не договорил, будто перекусился. Толик видел, как скисалась и разжалась его кулаки, с силой и хрустом. Отец прожекалась и начал снова.

— Но я прошу тебя, — сказала он, — хождайзиძем дасицами самой.

Толик увидел, что не успев слова начинать, прокричала бабка Шуша, как медленно поблескивала. Ах нарядная, если глядеть со стороны, и в самом деле блеска не удачно. Еще бы, отец сказал такую-то такую, кроме — перекусывая в их семейных дамах!

Аа, — сказала отец, переступая с ноги на ногу. — И не надо так смотреть на меня, Александра Васильевна. В конце концов мы работаем оба... И имеем право...

Отец волнился и не договорил слова.

Бабка, спохватившись, захлопнула рот, поджала губки и уставилась было в один точку, но тут же раздузала и синеву отца, словно вином, как писалось в книге. Ах нарядная, если глядеть со стороны, и в самом деле блеска не удачно.

— А я — добавила она, — очень часто сплюхиваю и говорю сплошь, уверено. — Вот купил Толику какую-нибудь обицу, — говорил отец рассудительнее, — тебе пора память спрашивать, у меня костюм уже пообносился. Никого не будем! И Александра Васильевна тоже!

Отец взглянул на бабку, и Толик даже подскочил. Бабка завершила, будто ее разбудили.

— Тоже! — закричала она. — Тоже! Это как же так тоже? Да ты кто такой тут командаешь? Ты у меня живешь или я, изжившая проклятый!

Крича, бабка поднялась со стула и бегала вокруг отца, разматывая клаудами. Толик подумал, отец опять синеве оденется, хлоннет дверью и, когда вернется, почкою от него будет пахнуть вином. Но он не синувшийся с места и на бабку, вслед за ее бегающими, не взглянул, будто ее и не было.

— Ну, так что, Маша? — тихо спросил он. — Долго еще что терпеть будешь? Ты у меня живешь, а я у тебя, на самородок какой-нибудь, на неудачливый в общем, проклятый... Ахот!

Мама, побеяла, как полотенце, медленно поднялась и заморгала.

Нет, нет, Петя! — запечатала она, задыхаясь. — Я не могу...

Отец опустил голову, и Толику показалось, он опять не выдержит этого,

Рисунок
Геннадия ШЕБАРШКОГО

Сдастся снова, и бабка, как прежде, будет править домом — всегда и всем. Толик напрягся весь, как бы помогая отцу не уступить, радуясь, что он сегодня такой решительный и резкий, и отец будто услышал его.

— Надаль, — сказал он, не обращая внимания на мамини слезы. — Нет, Маша, бабка права.

Мама стояла у стола, глядя то на отца, то на бабу Шуру, растерянно мигая и потирая носки, словно у нее страшно разболелась голова. Бабка, притихшая было, блеснула глазками, повела носком, будто быстро-быстро высчитала что-то, и завизжала опять:

— Ну раз так, раз я такая-раззатака, а вы самостоятельные, съезжайте от меня к чёртам собачьим! Катитесь к лещам! Живите где хотите! И вдруг заплакала.

Толик даже задрогнулся: никогда он не видел, чтобы бабка плакала. Он уставился на нее. Бабу Шуру стояло жалко, особенно когда она сказала это, сидя в голое, как белуга, и даже слезы у нее катились. Но не поверяй ей Толик, не показал бабушку, потому что ясно видел, как, на него внимания не обращая, не таись от Толика, бабка бросала на маму быстрые взгляды и подавала все громче и громче, будто бы настаивая на своем.

А мама смотрела на нее, теперь уже только на нее, на свою мать, а на отца не смотрела совсем, и бабка все приблизилась и приблизилась голосу, выла уже взахлеб, и мама не вытерпела, бросилась к ней, взяла опять бабку за локоток, но бабка локоток вырвала, словно обдиралась по мату и та должна ехать с собой.

Отец повернулся к маме, и Толик снова увидел его глаза. Они были спокойные и решительные, как и тогда, по дороге домой, и сразу было видно, что стече все покида, хоть и не видел бабкиной симуляции. Понял, что это не правда, а спектакль.

— Ну что ж, — сказал отец маме. — Пойдем. Переберемся как-нибудь. Глядишь, нет худа без добра — скорей квартиру дадут. Собирайся!

— Нет! — хрюкнула мама. — Нет! Нет! Нет! — Опять слезы белыми горшками покатились у нее по щекам.

Толик, сидевший на краешке, он опустил голову, как раньше, понурив плечи. Но только на секунду.

— Эх, Маша, Маша, — сказала он. — Видно, и не было у нас с тобой ничего хорошего, раз ты так... Пойдем же, переберемся, не пропадем... Но ведь нельзя так жить! Разве это можно жизнью назвать?

Толик вспомнил, как стоял он бровью с отцом на лавочке тогда, у ворот. Вспомнил, как отца сразу посып, и взглянула на маму, поймет ли она.

Но мама будто и не слышала ничего. Она все гладила бабу Шуру, успокаивала ее. Толик посмотрел на отца. Глаза у отца блестели, и ладони от сжата в кулаки, словно хотели драться.

— Поймай, нехорош так! — крикнул он.

А бабка все вымыла и высушила ее, гладила по плечам, будто маленькую куклу, и сказала:

— Ты же видел? — спросила отец снова, трогая маму за плечо.

От этого прикосновения мама вздрогнула вся и бабка, почувствовав это, вдруг вырвалась из маминих рук, подбежала к двери, распахнула ее. В коридоре были люди: слышила Толик Плох со сковородкой, и баба Шура, чтоб побольше народу слышали, завербала истощенным голосом:

— А ну, съезжай, анишкер, с моей квартиры!

Глаза у нее сверкали, остренный кулаком с вытянутым пальцем указывала за порог.

Отец поклонился с виноватой лицом, встрепенулся.

Он видел все. И не только сейчас, он видел всегда и все, что было здесь, в этой комнате. Он видел все от начала и до конца. Он видел эту войну отца и бабки при маминных молчаливых слезах.

Мама всегда была бабийской рабыней. Слепой, молчаливой.

Он думал, теперь рабом станет и отец. Он был почти уверен в этом.

И вот — нет!

Отец не стал рабом этой проклятой старухи!

Она видела то, что они оба — мама и отец — давно должны были сказать этой бабки.

Син сказала это теперь.

Он правильнно сделал. И Толик, ставший его верным другом, был абсолютно согласен с отцом.

Толик испретенялся и подошел к своей шубе. Он не сомневался ни мгновения, Ни должен уйти.

Дверь в коридор был распахнута, бабка с пожелтевшим кулачком стояла у порога, а отец уже настянула пальто, доставал из комода свою рубашки и браслет из их ювелирной мастерской мимами, падая в сумку коммы, но отец не заметил этого. Толик у него трясся, он швырял рубашки со злостью, будто эти они были во всем виноваты.

Мама стояла в углах, и руки у нее висели по бокам. Она поклонилась на стражу — оглохшую и слепую. Вокруг нее что-то происходило, а она ничего не слышит, не видит, она устала уже от всего, и все ей безразлично.

Толик наступил свою шубу и нахлобучил шапку, поджидал, когда отец заберет рубашки.

И тут мама будто кто-то ударила. Она пошатнулась, бросилась к Толику и закричала дико, захлебываясь слезами:

— Не-е-е!

Толик вздрогнул от этого крика, еще не понимая, что это про него так кричит мама.

— Я уйду с папой, — сказал он ей спокойно. — Ты оставься, а я пойду.

Самом деле, ведь кто-то должен идти с отцом? Но мама этого не понимала, ничего она не могла понять.

Она вцепилась в Толикуную шубу и прижалась к себе. От порога, так и не закрыв дверь, к маме подбежала бабка. Теперь они здвоем держали Толику. Он ринулся из всех сил, но это было бесполезно, и тут только Толик по-настоящему понял, что наступила конец.

Конец всему.

Всему, всему, всему!

Толик представил себе пропасть, на краю которой он стоит. Внизу — тьма и страх, а мама и бабка толкают его туда.

В глазах у Толику поплыли круги, он рванулся и закричал, что было сча, закричал, плача и вздрагивая всем телом:

— Я не хочу, не хочу с вами!

Бабушка ушла вперед. Отц отошел влевору и смотрел на Толику. Отец шевельнулся, он что-то говорил, но Толик ничего не слышал. Он старался услышать, но уши заложило, и Толик ничего не слышал. Отец сказал что-то и кинул Толику.

Он прикрыл дверь, и его не стало.

Толик рванулся снова — отчаянно и сильно. Опережая его, баба Шуря подбежала к двери и повернула ключ, прича его в карман.

— Ох, гадина! — крикнула Толик. — Гадина! Гадина! Гадина!..

И бросился на бабку с кулаками, но мама так сжала его, что у Толику перехватило дыхание...

Будто сумерки в Толикуной жизни настали. Где-то там, над головой, солнце ярко светит, синее небо пестреет, словно река, а Толик ничего не видит — все вокруг кажется ему серым, плоским, каким-то туманным.

Весь вечер он тогда дома был, хотел побежать вслед за отцом, хотел догнать его, и, крепко взявшись за руку, утих иметь с ним, но мама и бабка не выпустят его. Заперли дверь на ключ и сами с ним взлешили сидеть. Но смешно: разве удивительное человека, если он решил уйти? Какие такие замки и клятки для тех, кто любит?

Утром Толик отправлялся не в школу, а к заводу — искать отца.

На улице было тихо-тихо. Солнце медленно выкатывалось из-за домов, разогрев снег от его лучей, скрипела под ногами, и Толику казалось, что он идет по хрупкому киседу — линзы, и будет сладко. Чем ближе подошли Толику к заводу, тем больше становились людей на улице. Взрослые шаги, весело между собой переговариваясь, и Толик торопился, поспевая за ними. Перед прохожим он попал в густой водоворот, пошел назад, противтечением, и вдруг остановился, его обхвачили, порывнувшись безжалостно. Наконец Толик выбрался, перешел на противоположную сторону улицы и забрался на невысокую тумбу с чашей, где летом росли цветы, — тут лучше было видно отца в этом водовороте.

Он стоял в чаще, постукивая ветвями, стараясь согреться, и все никак не мог надивиться, сколько, оказывается, людей по утрам идет на завод. И ведь все заняты, никто не болтается без дела: стоят у стаканов или чиртят в конструкторском бюро, как отец раньше. «Если бы дать людям флаги», — подумал Толик, — получилась бы целяя демонстрация». А демонстрации все шла и шла, и у Толику вдруг поползли по коже мурашки: он отчаянно усыпал, как люди шагают в ногу, и хотя земля была покрыта снегом и она никак не

могла гудеть у них под ногами, ему показалось, что земля под ногами у этой толпы, у этой демонстрации гулко ухает и гудит.

Люди шли перед Толикум чужие, незнакомые, но он не чувствовал себя среди них посторонним. И то, что он стоял тут, над толпой, в этой странной чаше, никого не удивляло, будто все существо, что здесь есть отчего торчать маленьким, есть и маленькая галактика и что-то гудывает.

Но Толик... Толик уже и не заметил, как это произошло... — толпа исчезла. Только что казалось, ей нет конца, и ветвь вдруг остановила губами, он что-то сказал. Толик был уверен, что он сказал это ему, Толику, но вот что, он сказал? Может быть, отец говорил, что ждет его, как и обычно, вечером у звона? А может быть, он сказал, что сам найдет его?

Толик подумал, что походит на человека, который заблудился в лесу. Нет, не заблудился, он знает, как вернуться назад, но возвращаться неизвестно, никак неизвестно, ни за что неизвестно, и он будет искать, зная одно: где-то его ждут.

Но Толик бред, опустив голову, залюбившись и не сразу усыпившись, как его окликнули. Син обернулась и увидела отца.

Вначале Толик не поверил себе. Он стоял мгновение, не понимая ничего, не веря, что напал, наелась та-коты, а потом кинулся, бросив портфель, на встречу высокому человеку с родными глазами с родным лицом и ткнулся носом в отцовское пальто. От отца пахло каким-то маслом, желеем, и еще чем-то заводским, и Толику до нестерпения захотелось бросить все сейчас и пойти с отцом на завод, туда, где работает огромная ладская толпа, целая деревня.

Толик поднял голову, залюбился и вспомнил, что в отцовском алю — посеревшее, с тяжелыми синими кругами ниже глаз.

— Папа! — сказал Толик. — Я не хочу там! Я хочу с тобой!

В горле у него застыли комок, защекотало в носу. Отец положил ему руку на плечо. Рука была тяжелая, словно камень.

— Ну, — сказала она — Дергай квост морковкой! — Но больно болтаться не стал. — Понимаешь, — сказала он задумчиво, — куда же к тебе возьму? Нет, ты можешь не сердиться, и хочется, чтобы мы с тобой были вместе, но я, понимаешь, мыслью увлеклась в бокус... Сегодня устроюсь в товарищей и поскорее потянувшись в комендантку. Потом надо будет подумать с общежитием... Как же я вспомнил тебя?

Толику больше не хотелось плакать. Он смотрел на отца и понимал его, вполне понимал, потому что отец говорил с ним, как тогда, на скамейке, лицом к лицу, как с равным.

— Ты не сердись, — сказал отец. — Такая уж жизнь, что делать? Попробуй, чтоб мне скорее дали коммив, и заберу тебя! Будем жить по-холостячнику! Согласен?

— Да, — ответил Толик и добавил, подумав: — Может быть, хоть тогда мама поймет?

Отец повернулся к Толику и сбежал к себе и пристально взглядел в него, будто видел первый раз.

— Ого, — сказал он, удивляясь, — да ты у меня совсем взрослый человек. Толик улыбнулся ему, она пошила с проходящим.

— Ты опоздал? — спросил Толик.

— Да и ты тоже, — ответил ему отец, хмурясь. — А озаглавывать неизвестно. Никому. Ни мне, ни тебе. Иди в школу. Если не уеду в это воскресенье, в десять часов, то пойду к тебе, примеряй, у кино. Если не приду — жди через неделю. Он наклонился к Толику, обнял его и шепнул:

— Хвост морковкой!

Толик остался, а отец пошел в проходную, и тут Толик увидел, что в одной руке у него авоська с рубашками, которую он взял вчера.

Возвращаясь к школе, Толик представил себе воскресенье и маленький кинотеатр возле их дома: куда они ходили раньше все вместе мама отец и он. Кинотеатр назывался «Стокин». Если не уеду в это воскресенье, в десять часов, то пойду к тебе, примеряй, у кино. Если не приду — жди через неделю.

Он наклонился к Толику, обнял его и шепнул:

— Как морковкой?

Толик остался, а отец пошел в проходную, и тут Толик увидел, что в одной руке у него авоська с рубашками, которую он взял вчера.

Возвращаясь к школе, Толик представил себе воскресенье, не умея разобраться сам в себе, что случится. И то, что с ним на землю случится? Да еще птицакин как-то, у которого и еда и уроки, и одежда, и вся его жизнелюбия, что-то из других, от взрослых людей? Что он может знать наперед, и что ждется?

Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик.

Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик.

Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик.

Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик.

Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик.

Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик. Син сказала ему, что он — это Толик.

«Мурзаке», только там все просто, сразу весь албиринг звонил, а тут не видно ничего кроме двери коридора перед собой. Он упирался в заборы, вспоминающие себя, охваченные в повторяющей пазухе, выходили новую дорогу и так шел, шаг, пока воздух не стал густым и темным. Вспыхнула лампочка на улице, будто засторгалась гирлянда на балке, словно кубиками, установленными многоглазыми коробками из серого кирпича.

Дома было тихо, и мама сидела возле бабки, как вчера. Всюду время назад повернулось, и сегодня это не сегодня вовсе, а день уже прошлый, прошлый.

У дверей не требовалась стопа тазик, в котором отходил мышь руки. Сейчас тазик был пуст, но рядом лежали полотенце и платок отфаршированный чайник. «Жал— подумал Толик, — жал, что вернется?». Он крикнул усмехнувшись, радуясь за отца. «Теперь его никто уже не спасет», подумал Толик, и вдруг вспомнил, что отец стал Толику, когда он ушел из дома, и что Толик, когда вернется, будет старше, а вместо стада, которое у него висело с рубашками, — и слезы слова поджимали в глазах. «Все, все, кончи! Пропада она пропадом, эта бабка, эта баба Шура пократилась!»

Толик медленно разделял, думая об отце, а бабка и мама внимательно глядели на него, будто знали что-то такое о нем нехорошее. Как-то пристально они глядели, словно гладились в него, внутрь заглянули хотели, будто разгадали какие-то.

Толик разделял, сидя за стол, вытиная тетрадки, а бабка Шура нехотя встала, все так же зорко глядя на Толика, потом в угол своей поспотарила, стала на колени и пристально, голову опустив, заневесила губами, покорная вся такая, посасывая своим иконом. Потом закреплялась частично, захватываясь, закапываясь.

Толик старался не смотреть на бабку, глядел в заднички, пробуя сосредоточиться, а мама повернула к бабке бледное лицо, и лицо у нее было жалкое, униженное.

— Мама, — сказала она вдруг, — мама, лучше помолись, чтоб вернулся... Может, лучше поможет...

И даруя случилось такое, что этого Толика и всю его небольшую жизнь перевернуло и поставило с ног на голову.

Да, бывают в жизни любого взрослого человека дни, которые все меняют, дни, когда ты не хочешь, когда ты бессилен перед случинившимся, как бы ты ни была тверда и настойчива. Это у взрослых в сильных людях бывает, а что же ребятам! Как же им быть, если в их жизни такое произошло?.. Кажется, Катя, если с тобой, то я буду с тобой, и тебе не придется одна...

И эти слова, потом все Толик подумает, когда упадет конверт в оранжевые ящики, когда случится все, когда горе, взрослое совсем горе, скожет ему горло, и не к кому ему будет кинуться, некого обнять, некому сказать слово... Некому...

Теперь же Толик смотрел, смотрел на прощесие, белое лицо мамы, слушая, как повторяет она: «Может, лучше помолись?» — соображая, что это что-то она бабку помолиться просит, и даруя увидеть, как бабка повернула к маме издернутый свой нос и как с коленок резко вскочила.

— Кому молиться-то? — крикнула бабка и повторяла, чтоб услышать ее спасавшую. — Кому молиться-то? Ему! — Руки в окнах, которая, на окнах нарисовалась, будто на окнах, увидевшие будто — уж и запада, не боли ли мама ей советует помолиться.

— Ему? — крикнула. — Ему! — и со смеху затряслась... Да он деревянный. Не слишком он, нарисованый!

Толик подумал, бабка рехнулась, кто его знает, может, вот так и сходят с ума. Только что покорой головой перед иконой кивала, шевеляла губами, шептала молитву, крестилась тремя пальцами и вдруг так про свое жгла быкинки.

А бабка по комнате пробежалась, будто разгоняя настрига, и снова крикнула: «Нет, крестись!». И вдруг, как будто вдруг, вдруг, мама помолчала! Которые минуты? Которые минуты по земле ходят? Партийный в боку помолился, чтоб народом среди свою болезнью. А то ходят все без болезнью, значит, детей рождаются, а потом семя брасают. И коммунисты еще!..

«Вот тебе и с ума сошла!» — подумал Толик, и снова ему тяжко стало, душно. Вот она как, значит, в боку своего верила, крестилась усердно. Врачи, значит, все это были, врачи. Представление одино.

Толик вспомнил: игрушка у него было перевертыш. В желобке таком куколка катается с шариков внутри. Желобок наклоняется, шарик в куколке катится, и она — только упадет, сразу поднимается и снова ульбается, потому что у куколки два глаза, а у меня одно. Перевернется куколка — и снова стоит, перевернута, и снова стоит. Перевернется.

Вспомнил Толик эту игру в куколку с бабкой Шурой сравнил. Перевертыши бабка. Перевернется — и как ни в том не бываю.

Только что боту молкала, виз, dealaa, будто верит в него, а теперь вернулась и вон как говорит! И хотя бы что-нибудь. Ни стыда, ни смущения в ней вот не склоняю, будто ничего не случилось, будто не обмыла она только что своего бота последними словами.

Вдруг Толик возле себя бабку увидел. Снова пристальные ее глаза, пристальные ее глаза, и она — только упадет, сразу поднимется и снова ульбается, потому что у куколки два глаза, а у меня одно. Перевернется куколка — и снова стоит, перевернута, и снова стоит. Перевернется.

Толик вспомнил: умбетка, каменная умбетка. Публика от удовольствия чешет. Толик понял, что это бабка от него хотят, взглянула на маму. Мама, все боялись, чтобы голова кинулась — мол, да, мол, так и мол.

— Испытай-ко ручку-то, обмыки в чернине! — сует бабка и гладит Толика по голове липкой ладонью. Опять, значит, гадость будет, так и жди.

Подперла бабку кулаком чистку, проговорила, не торопясь, диктуя:

— Товарищи партийный комитет! К вам обращается сын коммуниста Бориса, который бросил свою семью и меня...

Толик руку выронил, встал.

— Пишите, — сказала ему бабка и кинула. И мама тоже кинула, с гравием с бабкой.

Толик шагнул к Толику и хвостила его ремнем по спине. Толик синяк и стоял минуту, открыл рот, все соображая, что же случилось. Потом, собравшись пружиной, кинулся к столу. Он скатился, как гранату, бутылочку чернил и, ожесточился, швыринул ее. Швыринул ее в бакин углу, в бакини иконы.

Бутылочка прожигала, разрывалась, и чернила синим киселем поплыли по стене. Не поплыла Толик в икону.

И тогда бабка хлестнула его ремнем по лицу. Шука у Толика сразу будто отнялась. Больно не было, нет, просто Толик не чувствовал теперь своего лица, оно стало твердым, деревяенным будто и жарким — и он засмеялся. Толик смеялся, а бабка была и была его, ожесточилась, скаж, губы в тонкую синюю полоску.

Всю поплыло перед Толиком. Склонился к боку потолок, и стены стали кривы, а мы, все смеялись, и вдруг он увидел мамин лицо.

— Пишите! — сказала она ему, и лицо у мамы походило на бабкино. — Пишите, сынов, пишите!

— Предательница! — прощупала Толик, и бабка снова ударила его.

Молнией сверкали в комнате — они слепили Толику, они шатали его и уже звенели в ушах, будто лопались какие-то струны.

Толик снова увидел мамин лицо. Он обрадовалась было: ну не может, не может же мама вот так стоять и глядеть, как был ею бабка. Не может, так может быть ею, а мама стоит, и шататся от синяков ударов. Толик спросил: — Мама? Мама?

— Пишите! — сказала мама. — Так надо!

Все обворожилось в Толике. Пустота. Одна пустота и звон, нарастающий, гудящий звон...

Слоня в тумане, медленно шевеля ватными ногами, он приближался к камающимся стулу, и не помнил ничего, взял руку.

— Ну, — сказала бабка, — пишите! — И голубь у нее был ласковый, будто ничего не было, будто он умел управлять Толиком.

Он зевнул, тяжело выдохнул, вылез слова, которые прошептил бабка: «Товарищи партийный комитет... к вам обращается сын коммуниста Бориса, который бросил свою семью и меня!... Верните мне, товарищи партийный комитет, моего папу...»

Все пыльет у Толику перед глазами. Он пишет с ошибками и уронил уже в тетрадь не одну тяжелую калякшу... Но ни мама, ни бабка не ругают его, а гладят по голове, но Толику все равно, что они там делают.

Они дают ему рюмочку с желтоватой водичкой, и Толик пьет ее, с трудом разбирая терпкий запах вазелина.

Он пишет ее, потом ест какую-то еду, и ему все равно теперь что делать. Все равно.

Ему все равно, когда бабка, залезла в конверт письмо, одевается и идет на улицу, и с трудом пощупывает постенную щель...

Она остается один с мамой, и они смотрят на Толику болельными глазами. Но он не видит этого. Ему все равно...

Всю ночь на воскресенне шел снег, и Толик, проснувшись рано, когда за окном еще густо синел рябый рассвет, подошел к окну и долго смотрел на медленно падающие хлопья.

Он сидел на подоконнике совсем продрогший, пока дальним дома не очертил треугольники своих крыши, и тогда оделся, словно в полусне. Поднялся мама с бабкой, загадывали молнии, кастрюльки. Затрещала, застrelала полевыми перловыми пшеницами в подвале, в подвале...

Толик сунула это гудение, гладя на новые сутробы за окном, и снег гипнотизировал его.

С тех пор, как случилось все это, с тех пор, как избитый, с гудящей головой, он написал дрожжанием буквами несколько строк, все в нем замерло. Будто умер тот, бывший Толик, тот Толик, который страдал за отца, ненавидел бабку и воевал с ней. Тот Толик, который гонял шайбу в танклистском шлеме и умел взахлеб хохотать.

Тот Толик умер и родился другой. С пустой, будто ватной, душой. С пустотой вместо сердца. И ему теперь все равно, что вокруг. Потому что он сам — ничто. Толик умер, а этот смотрит мертвыми глазами на снег, который идет за окном.

Потом матыгивает вазелин и старую шубу. Надо пить чай, и мама говорит ему об этом, но он не слушает ее и идет на улицу.

Мама не кричит, не плачет, она смотрит на Толику болельными глазами и молчит, а он идет куда-то до двора, сам не знает. Он любит теперь ходить просто так.

Идея себе и идеи. И ни о чем не думай. Слушай, как хрестит снег под ногами. А не хочешь, не слушай. Толик шевелит ногами. Ногами шевелить можно и нужно.

Он идет и идет с улицы на улицу. Он идет и идет, просто так идет, будто бы не знал, куда, но приходит к окну кипятку.

Он сидит на подоконнике, и мама сидит на другой стороне, навалившись на края, где легонько торчат волнистые кончики.

Толик видит отца. Видит, как прохаживается отец у кинотеатра, и погадывает на часы, и смотрят по сторонам, но не смотрят на заколоченный кинок, который стоит напротив кинотеатра.

Толик глядит на отца, и спереди у него не скимается и не бьется больно. Потому что сердача у него теперь нет. И комок не подползает к горлу. Потому что там, внутри, вата.

Толик смотрит на отца пустыми глазами, смотрит долго, не моргая, а потом поворачивается назад.

Он идет неизвестно куда, а снег все взлетает и взлетает, будто зима торопится в весну, чтобы существо от снега к весне освободить.

Толик бродит по улице, плетется по перекулкам, выбирается из забрик, так может.

Вернется Толик поздно, когда снова засынет улица, когда опять закутется от огня.

Мама выстывает тарелку вкусной картошки, но он лишь поковырьет ее вилкой и ложкой съест.

Он теперь не засыпает.

Он будто проплавляется в тартарии и проваливается, вспоминает, как видел он недавно сон про разноцветную тварь, которая душала его в химическом кабинете.

Вспоминает, как бабка сон этот объясняла.

Хватит бабку, скаж губы: «Молодец, пророчица, все правильно предсказала!»

ВСЕВЛАСТИЕ ХИМИИ

Послесловие к
международной
выставке «Химия — 70»

Вячеслав ЖВИРБЛИС

Альберт ЛЕХМУС,
Владимир ЧЕИШВИЛИ [фото]

Cегодня стал привычным термином «химизция», причем всем кажется, что он возник совсем недавно, лет десять — двадцать назад. Но в действительности этот термин родился еще в 1938 году. Всесоюзный химический конгресс был создан так называемым «Комитетом по химизации», в состав которого входили всемирно известные химики — Бах, Ильин, Порай-Кошиц, Фаворский, Тищенко, Банков, Чичрабин, Воронцов, Зелинский и многие другие. Программой деятельности этого комитета послужила записка, которую направили в ЦК КПСС и Совету Министров СССР правительству. В этой записке, в частности, говорилось: «Генеральный план хозяйственного развития должен учить все намечавшиеся пути современной науки, ясно показывающие все большее влияние химии в направлении замены многих мозаичных процессов химико-технологического производства, в сокращении количества областей обороны и даже в частном быту».

Вдумайтесь, как следует в слова этой записки, где говорится о замене мозаичных процессов химико-технологическими. Именно эти слова, а не слова о красоте и практичности новейшими кофточек и стиральных порошков, наиболее точно выражают суть тех революционных изменений, которые внесла в жизнь современного человечества химическая наука.

Историю человеческой цивилизации можно делить на эпохи по разному. В основе такого деления можно положить используемые материалы: тогда история разделится на «каменный век», «бронзовый век», «век железа» и наши «век полимеров». Можно вести счет по наиболее характерным источникам энергии: тогда история разделится на «век мускулов», «век паров», «век электричества» и наш «век атомов».

Но можно предложить и более простое деление — по способам обработки используемых материалов. Тогда перечисление сократится всего до двух эпох: «век химической обработки» и «век химической технологии». Вторая эпоха — это эпоха современной эпохи, когда люди создают нужные им вещи не с помощью топора, молотка или резца и даже не с помощью точнящих инструментов, которыми хромой Леша подковал алигаторскую блоху, а с помощью сил, управляющими атомами и молекулами.

Задумай на время, что полупроводники — это детали современной химии, разрабатывавшей методы получения вещества необычной чистоты. Допустим, что полупроводниковый германий мы можем добывать также, как добываем глину. Но для того, чтобы германий превратился в полупроводник, нужно склонить его к действию радиационного природника или электронно-вынуждающей машины... из него нужно сделать пластины, полюс прилагающую к подложкам определенного химического состава.

Эту пластины можно сделать, распилить монокристаллы герmania. Но такие пластины, может быть, будут достаточно тонкими (германий крохотен), чем тонкие пластины, тем меньше может быть размер детали. Электроника же сегодняшнего дня стремится довести размеры всех деталей до микрометра — дотолишины одного атома, потому что тогда можно будет создавать машины, сопоставимые по своим размерам и возможностям с разрывами в возможностях человеческого мозга.

И вот эту задачу не по силам решить никакому иному методу, кроме химического.

Дело в том, что германий обладает любопытными химическими свойствами. Если нагреть его с паром юода, то образуется германий диоксид этого элемента. А если пары амиака охладить, то частицы элементарного герmania, выделившиеся из германий-холодильника, в то время как из других его частей превратятся в соединение, тоже имеющие интересные свойства, но большее число атомов герма. Теперь понятно: если в качестве холодильника использовать германий-холодильник, то можно добиться охлаждения для того, чтобы в сопряжении с кремнием она образовала полупроводниковый

прибор, то и принцип на эту подложку можно наложить сколь угодно тонкий слой герmania — вплоть до самой тончайшей, состоящей из единичного атома.

Создание «тончайших» слоев полупроводникового материала — это не метод, а

что-то, что называется химикой, природный материал. Примеры, иллюстрирующие эту мысль, настолько хорошо всем знакомы, что перечислять их здесь излишне.

Современная техника, современный быт неизменно без продукции современных областей знаний, что дает химии другие области знаний?

В недавнем прошлом среди учёных была распространена шутка: «Физики работают хорошими методами с плохими веществами, а химики работают плохими методами с хорошими веществами». Хорошие методы — значит, точные методы, а хорошие вещества — это вещества, надеюсь сказать, что это не шутка. Недавно утверждалось: сегодня физики имеют дело с хорошими веществами, а химики пользуются хорошими методами. Впервые физики по-настоящему столкнулись с необходимостью получить чистое чистое вещества в начале сороковых годов — когда они приступили к изучению ядерной энергии. Чтобы начать работать ядерный реактор, нужны были вещества, содержащие не более миллиардной доли процента примесей, а в то время как даже самое чистое вещество содержало в тысячу раз больше загрязнений.

Но прежде чем искать способы очистки веществ, химики должны были разработать новые, более чувствительные методы определения примесей, то есть новых методов анализа. Это понятно: чтобы очистить вещество, нужно знать, как оно очищается... как, скажем, чтобы рассортировать горючие, нужны видеть, какие горючие светят, а какие темные.

Такие новые, в тысячу раз более чувствительные методы анализа были созданы. Были созданы новые, более чувствительные методы очистки вещества. И в результате получилось чистое вещество в тысячу раз более чистых веществ. Но когда заработал атомный реактор, то оказалось, что рождающийся в нем поток нейтронов можно использовать для химического анализа, обладающего еще в миллиард раз более чувствительностью. Это дало возможность химикам разработать способы получения неизвестно более чистых веществ, благодаря которым физики смогли сконструировать полупроводниковые приборы.

А вот другой пример взаимосвязи физических и химических исследований. Еще в начале нашего века было открыто интереснейшее физическое явление — явление сверхпроводимости. Но способность некоторых веществ терять электричество при сопротивление при очень низкой температуре. Долгое время физикам были известны вещества, приобретающие свойство сверхпроводимости лишь при температуре жидкого гелия. А

жидкий гелий необычайно дорог, и поэтому о том, чтобы практически использовать сверхпроводники, не могло быть и речи.

Но вот за дело взялись химики и после многих лет упорного труда создали сплав, приобретающий свойства, не оказываемые сопротивление электрическому току уже при температуре жидкого азота. Идея Франса Олбера, спасшая мир от Фашизма, в своем следование, разработана теории, согласно которой некоторые сложные органические вещества могут проявлять свойство сверхпроводимости даже при комнатной температуре. Теперь слово вновь за химиками, которые должны синтезировать такие вещества. Можете себе представить, какое неизмеримое практическое значение имеет эта находка? Живая клетка — это такое энергетическое и химическое предприятие, которое работает практически бесконечно. Как устроена живая клетка, как она работает — эти проблемы сегодня решают не только биологи, но и физики и химики. И, поскольку там, где живая клетка, будут созданы. Тогда и без строительства новых электростанций невероятно возрастет энерговорождаемость человечества, потому что потери энергии упадут до нуля, тогда будут построены настоящие сверхмощные электродрайверы...

Члены предполагают, что явление, подобное явлению сверхпроводимости, лежит в основе многих явлений в жизни. Живая клетка — это такое энергетическое и химическое предприятие, которое работает практически бесконечно. Как устроена живая клетка, как она работает — эти проблемы сегодня решают не только биологи, но и физики и химики. И, поскольку там, где живая клетка, будут созданы. Тогда и без строительства новых электростанций невероятно возрастет энерговорождаемость человечества, потому что потери энергии упадут до нуля, тогда будут построены настоящие сверхмощные электродрайверы...

Члены предполагают, что явление, подобное явлению сверхпроводимости, лежит в основе многих явлений в жизни.

Живая клетка — это такое энергетическое и химическое предприятие, которое работает практически бесконечно. Как устроена живая клетка, как она работает — эти проблемы сегодня решают не только биологи, но и физики и химики. И, поскольку там, где живая клетка, будут созданы. Тогда и без строительства новых электростанций невероятно возрастет энерговорождаемость человечества, потому что потери энергии упадут до нуля, тогда будут построены настоящие сверхмощные электродрайверы...

Можно сказать, что молекулы в живой клетке обладают всеми теми свойствами, которыми обладают и живые существа. Мы видим, но молекулы тоже видят; мы слышим, но молекулы тоже слышат; под действием света они претерпевают характерные изменения, которые определяют способность глаза воспринимать окружающий мир. Мы производим потоки света, но молекулы производят потоки света, проникающие в глаза. Способность воспринимать свет — это способность молекул. Современный механизм передачи наследственных признаков был расшифрован благодаря непосредственному участию химиков, а недавно разработан в этом областях завершившийся грандиозным успехом — полный синтез гена, то есть молекулы, ответственной передачей определенного признака.

Синтез гена — это пока что вершина искусства химиков, искусственного управления атомами. И этот синтез говорит нам, что неизбежно — рано или поздно — власти химии подчинят не только неживую природу, но и живой мир.

К 150-летию
со дня рождения
Фридриха Энгельса

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ

ЮСУФ ШАМАНСУР

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ

«Коммуна! — рокотали водопады
В горах высоких... — Грянь день расплаты
За кровь твою!» Леса шумели грозно,
«Коммуна! Поднимися, еще не поздно!»
Пришел через коридоры, горы, реки
В дом Маркса Робин, мрачный и угрюмый.
Но в глубине уставших глаз навеки
Тлен жар от красных пепелищ Коммуны.

Простой рабочий, перед Марксом Робин
Являл собой как бы бессмыслицу класса,
Который сам избрал свой путь. Огромен
Был этот путь, никогда еще не разу
Не пробирался. Прорывался ружьем
Спервающим революцию в науку.
И пламя электричества покоряло
Сундук, может быть, простому лицу
И мир другой, в котором счастье с плачом
Не перешло, с кровью смех не смешан.
И Робин должен жить в нем, не иначе!
Но и долю пути, что шаг рабочий спешен.

Лишь мужество одно и превозможет
Отчаянья, уверенность родится
От разума и воли, все итожит
Наш опыт — продолжение традиций.
Сколько многие себя борбам отдали
Всю счастье и радость, счастье, страдали.
Мир думал, что это, медленно шагая,
И разваливалась борода седая.
И в этой седине скривлялась старость —
И жизнь склоняется, и проходит немало.
Но страсть его не знала прости усталость,
И сердце для борьбы его стучало.

Был Робин занят думой с ним одиною.
Маркс же блеснул, когда молнии длились:
Так астроном беседует с звездой,
Которая аннотации позванием.
Жило в них молодое уложение
Борьбы и грядущими, в течении
Холодной Тесмы стало ощущено,
Как будто это время мертвого.
Все вспыхнуло, загорело, в звягра.
Далек был срок, до близких он казался!
Вот Маркс доспал часы скром виновато:
— Пошли, брат Робин, Энгельс нас жаждалася.

Дискуссия была в разгаре. С ходу
Вспомнился Маркс и тотчас же замягли:
— Банкинцы сознательно пьют воду
На мельницу врага. Всего на свете
Опаснее сейчас от планомерной,
Сознательной борьбы отказ! Неверно
Надеяться на то и без нас сотрет
День, вспомнивши о том, что делает
Как вблюдо, моя, послевест с трону...
Организация нужна рабочим.
Коммуны нынешний урок жестокий.
Нам это слова доказал вечною.

Без партнек, без дисциплины твердой
Нельзя никак завоевать свободу!...

Банкинцы крались, к стене пристрепты:

К чему, скажите? — И совсем невинно:
— Свободу не скрывают ли дисциплина?
Не чудмы ли покоят науку?
И «революции!» Ответьте, Ну-ка...
Тут Энгельс встал, кипя и негодуя:
— Является политики, однако,
Свобода от политики, скажу я,
И, очевидно, ваша суть двойка.

Банкинец отставил стул и вышел.
А Энгельс проронил, ему виноваты
Так, словно с самого словом он все выше
К вершине увлекал, откуда дали
Открыты всем... — Мы предадим позору
Пустые фразы. Обратим спору
В единство слов и в сплошнен
Пролетариата — в этом назначенье
Внешний Ленхей щедрость овладела.
Стол скрепты она заставила белой,
Поставила вино и сыр достала.
Напили все и подали бокалы
З гости русского... — Я неоступно
Всю душу со Чертковской защелкнул...
Промолвили Мавр... — Экономиста трудно
Подделать сыскатель... Но пронзевший

Сквозь ночь и сквозь туман огни мерцают,
И лондонские улицы пустыны,
Лондон всходит на сцену «студиум»,
И не будет он «студиум» — склоненый.
Внезапно Ленхей щедрость овладела.
Стол скрепты она заставила белой,
Поставила вино и сыр достала.
Напили все и подали бокалы

З гости русского... — Я неоступно
Всю душу со Чертковской защелкнул...
Промолвили Мавр... — Экономиста трудно
Подделать сыскатель... Но пронзевший

Без гнева и без агрессии не в силах
Я вспомнил про это Русской гений
Он мира прачут в каменных могилах
Торжественных камней... Но пронзевший
Его не пронзил! Фридрих, мы помним,
Что до сих пор еще и половины
Работ его не знают перевода.
И эти души — обрывы и заботы,
Иногда — Энгельс молялся... — будят доли,
И справедливый час съвсемонденья
Пробьет, и воля, воля
Возблагородит и верность и терпенье.

Лопатин слушал эти речи молча,
И перед взором его плыли стены
Заслоненные, ветер волы-волны,
И мрачи тяжело звенели цепи,
Что Чернышевского во тьме сковали
В гробах. Погибли в подвале...
Тут Энгельс произнес: — От года в году
Он призван познавать свободы цели,
Чтобы революцию народу
Приблизить. Друг наш при великим деле!

Призывался Энгельс: — Мысли
Все заняты одним — еще я в силах
Работу продолжать... — Мать с дочкой вышли.
Друзья прошли к окну и закутили.
И с сумерками ранимы седины,
Ноши были сплавлены воедино.
А со стеною посыпал пепелный Гейне
Смотрел, как много лет назад на землю.
Как запертый дракон в навозе, плачет
Огонь в печной трубе, мугнил, дикий...
Промолвил Энгельс: — Кто поймет, что значит
Прочесть хотя бы «Синий» все книги!
Инспектора применяли пытки,
Всех избивали, сведя в табакерки.
Писали жизни — стражи. А фабриканты
Не думали, что можно пригодиться
Весь этот труд, парламенты отчего
Для пропаганды марксовой работы.
И книги Энгельса бережно и ловко
Перевставляли. Как будто бы спасовка
Рабочего, они истекали былью.
Одна была пространна — Банкины
По всей стране. Все же не убили!
Они бесились, и не только с язир.

Продолжил Маркс: — Они на ней стреляли,
Кто буднично, кто изредка, — Существо!
Но эти цифры под отъем словами,
Как жажду отыскивать солдаты.
А пурпур правды поразить навони...
Спасибо, Фред! — Маркс затянулся устало...
Ты много знаешь, досконально. Эрмина
Любая мысль твоих, как суть кристалла.

Жизнь с юных лет давно уже всецело
Сезала с нас, одна душа живя
У нас забыла, и существо...
Племя со мною, друг ты мой, сраженье
Мне не страшны, не буду покорена
Я знать нечестив. Людская дружила вечно,
Как и любовь, живет. И бесконечно
Могущество ее.

Гуманность нам поможет быть упорней.
Как вингт, что в конинице скрепил желеzo.
А стала в работе становить линь острее.
Скряплют тирами — тем остree.
Желанье победы! — сказал Маркс... — Боже,
Скряплют тирами — тем остree...
На бороду свою он врет, и поклон
На бороду свою он врет, и поклон
Предтурни и оно вралось колод.
Друзья обнялись и загоготали.
И смех гремел, как прежде, чист и молод.

1 «Синие книги» — донесения английских фабричных инспекторов, достаточно объективные.

Перевел с узбекского
Натан ЗЛОТНИКОВ.

«Ни одна страна не имеет столько природных богатств, как наша прекрасная Родина. Но используя естественные ресурсы, мы обязаны проявлять хозяйственную расчетливость, чтобы природа не уводила, а продолжала служить нам и радовать нас!» — говорилось в отчетном докладе ЦК ВЛКСМ на XVI съезде комсомола.

Теме исследования и охраны природы мы посвящаем в этом номере два материала.

ДРЕЙФ ЗА ГРЕНЛАНДСК

НАУКА: ЭКОЛОГИЯ

В

начале марта 1966 года на льды Белого моря вертолет высадил группу ученых лаборатории по изучению ледовидного состояния Беломорского и Полярного научно-исследовательских институтов морского рыбного хозяйства и океанографии. В течение трех недель вымпел ВНИРО и ПНИРО (созывавшие Пересов на синем фоне) развернулся над пакеточным севером Баренцева моря, схватив гуски, скрецавшиеся тюленей, которые приходят сюда в это время для рождения потомства. «Голос» — как называли экспедицию — изучал животных в естественных условиях в самыя важный период их жизни.

Самые дальние советские биологи еще трижды высаживались на марксовские льды Беломорья. Последняя

На снимках:

Участники экспедиции техники-биологи Василий Короткий и Виктор Пашевич.

Научный десант высадился на льды Белого моря.

Этому белышу всего две недели от роду, но он уже «дает интервью» начальнику экспедиции «Горос-4» кандидату биологических наук Льву Попову.

Фото Геннадия КОПОСОВА

ИМ ТЮЛЕНЕМ

экспедиции — «Горос-4» — проходит в ежегодный этого года.

Наш корреспондент Леонид Павловский присыпалась к начальнику экспедиции «Горос-4» кандидатом биологических наук Львом Алексеевичем ПОПОВЫМ и вопросы отвечать на несколько вопросов, связанных с экспедицией учеными в Белом море.

ское значение для нашего зверобойного промысла?

Себя я увидел сотрудников лаборатории по изучению морских масконитов ВНИРО изучает запасы тюленей Белого, Баренцева и Каспийского морей, чтобы дать рекомендации по их рациональному использованию. Таким образом, наши научные исследования преследовали сразу практическую цель.

Необходимость в таких рекомендациях возникла потому, что запасы тюленей заметно сократились.

— Это угрожало полным исчезновением вида?

— Нет. К таким тяжелым последствиям охоты на гренландского тюленя не приводят виды, мы можем привести в восстановление результатам, если бы последние годы по требование учёных промысел циннено-морского зверя не был значи-

тельный ограниченен. До 1965 года в Белом море можно было быть тюленем в любое время. В настоящее — разрешена забой всего 23 тысячи, причем только молодняка этого года рождения.

— Но в результате такого резкого ограничения, видимо, начал простирается зверобойный флот, и весь промысел стал нерентабельным?

Из Азии, где в первую очередь ведутся пока нестие наше хозяйство в результате ограничений охоты на тюленя, несомненно. Но легко предсказать, последствия, которые обязательно наступят, если не вводить ограничений. Это все равно, что срубить деревья, из которых растут золотые яблоки. Молодого тюленя высоко ценится и на внутреннем и на мировом рынке.

— Зверобойный промысел на Севе-

ре имеет давнюю историю. Наш по- рошок сотни лет назад торговали продуктами: это мехом, кожей, ворвалом. Как же случилось, что сейчас его запасы оказались вдруг так силь- но истощены?

— В прошлом времена охота на зверя ведется в основном юда береговой линии. Далеко в море в зимнее время года поморы не ходили. Так что зверь лежачий был недоступен. И количество зверя, скажем, скворцов оставалось ничтожным во сравнении со общим поголовьем животных.

Позднее на помощь охотникам пришла авиация. Самолет-разведчик находит льдины с наполовину плотными склонами тюленей, передает их координаты по радио промысловым судам ледокольного типа, которые могут пройти сквозь торосы куда угодно.

Техника сделала человека склы-

— Лев Алексеевич, прежде чем спросить о выловах, которые смогли сделать учебные после четырех дрейфов в Белом море, хотелось бы узнать, что послужило причиной экспедиций «Горос-4». Почему именно сейчас и именно в Архангельском зверобойном промысле интересовалась биологии? Преследова- вали они чисто научные цели, или их наблюдения будут иметь практичес-

В НАШИ РЯДЫ

ным, а спрос на мех и его высокая стоимость оккупировали затраты. Вот почему поголовье гренландского тюленя и в районе островов Ян-Майен и Ньюфаундленд, где промышляют канадцы и норвежцы, и у нас, в Белом и Баренцевом морях, тоже сократилось. Притом выбрасывают беломорские стада «зомбогалы» и норвежцы. Стада вестной ладьины с лежбищами тюленей выносят через беломорскую горловину в Баренцево море, тут их (за пределами 12-мильной зоны территориальных вод) жаждут норвежские «серебряные птицы». Только во время второй мировой войны тюлени промысла получали пятнадцатую передышку.

— Вы говорите, что стадо тюленей сократилось. А насколько? Каково оно было раньше? Каково оно сейчас? Ведь эти цифры необходимо знать, чтобы принять правильные меры, нужные восстановить поголовье.

— Конечно, чтобы что-то планировать, нужно иметь исходные цифры. Но, к сожалению, точных данных нет.

Ранние думали: наши занятия тюленя несправедливы. Теперь, когда мы начали наконец считать, оказалось, что не только несовершеннолетия наша методика учета, мы еще недостаточно хорошо знаем биология этого животного, хотя и вида боятся с ним и охотятся на него наши люди.

Считается, что в 1928 году (по данным аэрофотосъемки) беломорское стадо достигало трех миллионов голов. К 1953 году оно сократилось вдвое. Предполагают, что сейчас оно составляет 500—600 тысяч. Но я в этих цифрах не уверен.

— Дело в том, что даже самая типичальная аэрофотосъемка может зафиксировать только тех взрослых тюленей, которые лежат на льду. Шубы малышей-белобогов того же цвета, что и снег, — значит, они учтены не будут. А если мы будем считать, что самки большую часть времени проводят подо льдами в瑟кту и дрейфуют вместе со льдами в Баренцевом море.

На фотографию аэрофотосъемки не попадают сядисты с лапами на спине, сидящие на льдах в сирку и дрейфующие вместе со льдами в Баренцевом море.

Период кормления детенышей — самое удобное время для подсчетов. На фотографию аэрофотосъемки попадают сядисты с лапами на спине, сидящие на льдах в сирку и дрейфующие вместе со льдами в Баренцевом море.

Нам особенно важно знать поголовье подопасных самок: воспроизводство стада зависит от количества материей в нем.

— Но ведь на аэрофотосъемке самца не отличишь от самки.

— Во времена царской и королевской монархии самки сажали на периферию ладьины заморены косками по 300—400 голов [мы называем их «монастырьми»], и это хорошо видно на снимках.

— Допустим, что предложенный мной метод, позволяющий точно подсчитать все стада, Но этикет недостижим. Нужно, чтобы сажали с одинаковой роста стада в булдозер. Каким мы хотели бы его видеть в идеале? Когда оно может достичь этого размера? При каких условиях? Так что вопросов, видимо, будет и в дальнейшем немало.

Исторический теснотный промысел нарушил пологую проходию, заложенную природой. Охота нанесла большой урон самкам. Самцы осторожны. После первого

Ы, ДРУЗЬЯ!

В шестидесятые годы на Западе не сколькими изданиями вышла книга, претендовавшая на анализ мирового демократического движения молодежи в Народы мира — «Мир — борьба! — именно так, с многозначительным звуком вопроса. Написали книгу в одном из бонниекских учреждений сотрудники бюро политических исследований, пресловутые «секретологии» и «специалисты по коммунизму».

Манипулируя цитатами из произведений основоположников марксизма-ленинизма, из советской литературы и из публикаций ФБДМ, пытались показать, что Всемирная Федерация Демократической Молодежи, равно как и другие прогрессивные международные организации — Всемирный совет профсоюзов, Международная организация журналистов, Международное объединение юристов-демократов, — являются «актыми «творческими конем», которые коммунисты используют для подрывной работы в «свободном мире».

Разумеется, это отнюдь не то, что ФБДМ все это свое существование берет именно за мир и дружбу, не рискнули открыто изложить цели и методы борьбы, которые никогда не скрывал ФБДМ. Они не рискнули и сказать, что наряду с молодежными союзами социалистических стран в Федерации входят прогрессивные организации стран капиталистического и так называемого третьего мира, причем именно они составляют ядро ФБДМ.

10 ноября борьба за единство, сплотившая педовскую молодежь планеты, исполнилось 25. Четверть века назад, когда цепи колоссальных жертов был разгромлен фашизм, делегаты демократической молодежи мира, вчерашние солдаты и партизаны, собрались на конференцию в лондонском «Альберт-холле» и дали клятву: «Мы построим мир, который будет красивым, свободным, миром, который будет основан на наше не отступала от этой клятвы».

Будапешт. Улица Эндре Ади. Здесь расположена штаб-квартира ВФДМ, привлекшей к себе центростремительной силой братства более двухсот молодежных организаций разных стран, свыше двухсот миллионов единомышленников. Пусты же о прошлом, настоящем и будущем юбиляра расскажут люди, с которыми он встретился в доме на Баньковской улице Эндре Ади.

Предмет заботы Андрея ОЛИВА [Италия]:

— Родившаяся как антифашистская организация, ВФДМ сегодня сражается на антиимпериалистическом фронте.

Молодежь — «революционное поколение»,

«инспираторы общества», «бунтующая сила».. Буржуазия пытается понять причину этого взрыва, создает массу теорий, которые на деле скрывают истинное положение вещей.

Революции, социальные революции, демографические сдвиги (человечество молодеет!), рост числа учащихся, авторитет молодежи в науке и на производстве — все это важные объективные причины. Но главной приметой нашего времени стала политическая активность молодых, которые особенно чувствительны к социальной и экономической несправедливости, к империалистической экспансии, рабству, к империалистическому ущербству. Ускоряется этот процесс, вспыхнув борьба молодежи социалистических стран, юных отрядов национально-освободительного движения. Молодежь поколения в странах капитала все更能 понимает, что она лишилась принадлежащей ей по праву роли в общественной и хозяйственной жизни. И характерным стало то, что сегодня молодые рабочие не замыкаются в рамках своих выступлений, молодые художники не ограничивают себя только своим движением, молодые люди решают проблемы любой линии: интеллигенты, а также, негритянские юноши и девушки США — только борьбой чернокожих американцев за свои права. Все чаще молодые представители разных классов, разных социальных категорий выступают включением в плеяду. Это — новое в жизни планеты, и оно набирает силу.

Если бы мы с вами с этим и таго молодежи к единству действий. Если раньше некоторые отряды молодежного движения в разных странах и на разных континентах боролись за свои текущие,аждодневные цели, то сегодня все крепче чувство, что идет общая глобальная борьба за свободу, демократию и права человека, за справедливое устройство общества, мир и прогресс. Скажите, вы знаете, какую роль в этом играет граница? Там, где граница, там и политика, граница — политика. Граница политики молодежи СССР обостряется с вспышками французских рабочих и студентов за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, за демократизацию высших школ, управление которой в руках монополистического капитала. Или такой пример. Будучи в ОАР, делегация ВФДМ посетила развалины школы в Бахр-эль-Бирк: школу разбомбили израильские самолеты, уничтожив американскую технику. На стенах вспомнили митинг в Бахр-эль-Бирк зашла речь о Согни и о других жертвах империалистических агрессий.

Здесь бы я хотел подчеркнуть одно обстоятельство. Левые экстремисты и те, кто старается давать международному молодежному движению

советы «справа», одинаково стремятся увести его от генерального направления нашей борьбы — от сплочения сил на главных ее участках, от единства молодых с другими отрядами мирового антиимпериалистического движения. Как здорово, чтобы помнить лозунг, который, как знают, призывали испанские борцы за демократию: «На молодые против старых, а молодое — против старого!». Да, и «конфликт поколений», а борьба людей разных возрастов в одном строю против империалистических зверств во Вьетнаме и на Арабском Востоке, против колониализма, гнёта монополии, против попыток сохранить господство путем агрессии, поддержки реакционных режимов, консервации отсталых общественных структур!..

Генеральный секретарь ВФДМ Мишель ЖУЭ [Франция]:

— В Европе особенно ощущены качественные сдвиги в массовом молодежном движении. Это доказали выступления юноши и девушек в ФРГ, Франции, скандинавских странах.

Новая более благородные условия для жизни, более широкие европейские перспективы возникли благодаря антиимпериалистическим акциям Советского Союза и других социалистических стран, благодаря поддержке их всеми прогрессивными силами. Молодежь внесла свой посильный вклад в борьбу против реакционных режимов в Западной Германии, реакционных режимов в Греции, Испании, Португалии.

Международная конференция молодежи «За единство» в Хельсинки [Финляндия]: Европе, проводившаяся ВФДМ в Хельсинки, показала, что миллионы юных жителей старого континента едины в своем требовании: признать Германскую Демократическую Республику и послевоенные граничи в Европе!

Впереди у Федерации новое и важное дело — всесмирная акция «Юности обличают империалистическое предложение Ленинским комсомолом на его XVI съезде». Так было, есть и будет: всегда и сколько ум, сердце и руки советской молодежи готовы для помощи ВФДМ, готовы включиться в дела, проводимые ею.

* * *

...25 лет назад в лондонском зале «Альберт-холл» 437 делегатов из 64 стран мира проголосовали за создание ВФДМ. Четверть века спустя более сотни стран мира, молодежь которых, моя изумрудная, набрасывает на нелегкий опыт, объединяет всех юноши и девушки, верящих в победу МИРА и ДРУЖБЫ без всяких вопросительных знаков!

выстrelila весь «монастырь» исчезает подо льдами. Матери же не покидают белья, даже если им самим угрожает смерть. Равные охотники так и пошли в леса, а женщины сидят дома, мать — защищают и жира. Это было варварство не только потому, что ни пуху, ни жир по стоимости не идут ни в какое сравнение с мехом, который дали бы следующие по- коления (ведь сама традиция плодоноса на 30 лет!) — но и потому, что все более и более утрачиваю- до свою способность к воспроиз-

росту.

— Какие еще наблюдения велись на «Торосах»?

— Наш дрейф был раскрытым такие стороны в жизни тюленей, о которых мы не догадывались.

И вот на дрейфующем гидропаро-

— А на поверхности тоже записы- вали?

— Да. Но в этом мало толку. Пред- ставьте на алтарь несколько десят- ков тысяч белья. Всю ночь, утром очень четко получалось слог «ма». И вот это многочисленное бескличевое «ма-ма-ма» стоит над Альбино и днем и ночью.

— Лев Алексеевич, мы вели с вами разговор все время о том, какой уделен человек наисуще человек. Но, видимо, и привык видеть свою ленту в сокращении их среды.

— Конечно. И наши экспедиции должны были определить влияние по- годных и гидрологических условий на жизнь морских зверей. Хоть Белое Белое и невесело ни разу, оно довольно сурово и коварно. Тут очень многое зависит от условий, во время прилива и отливов, сильные морские течения и ветры. Все это влияет на дрейф льдов, их торожение, подвижку, прочность. Каждый раз мы

высаживали свой лагерь посередине моря примерно в одном и том же ме-

сте, но заканчивали рейс в разных районах.

Все это не проходило бесследно и для наших ластоногих соседей. Пере- селение этих зверей становилось гран- деги, разрывавшимися в море.

Я уже говорил, что матер кормят детенышами двое. 20. Далее он самосто- ятельно дрейфует с юльдами и живет за счет накопленного жира. Хида. Тогда пошла в Баренцево море, похудевший от многоедущей голодаюки, он впервые в своей жизни спускается в воду. И вот он, самостоительно добывает пищу — морских раков, — ко- торый тут available.

В марте 1966 года льды начали дрейфовать не на северо-восток, как им положено, а на юго-запад. Запасы подожженного жира истощились, а за- тем Баренцева моря моря все не было.

И тогда скрип стада покидать Аль- бирк.

Их находили в деревнях, на па- лах,

и в прибрежных лесах далеко от воды. Вердикт, темнеющие на горизонте деревья они инстинктивно прики-

мали на полосу чистой от льда воды. Ползли туда и гибли.

Так что в будущем, определяя ли- мит, придется учитывать и погодные условия.

Вы рассказывали о различных мерах, которые предпринимают челе- век, чтобы в настоящее время упра- дочить охоту на тюленей. А каким в идеале видится этот промысел вам, ученым, в будущем?

— В идеале зверобойный промысел должен вообще прекратиться. Он уходит в прошлое, в прошлое про- писи. Человек обязан научиться ра- чительно и бережно пользоваться при- родой, брать у нее только то, что она может восстановить. Если говорить конкретно об охоте на тюленя, то она должна стать научно обоснован- на. Мы, учены, в зависимости от обстоятельств будем давать промыслы, которые будут соответствовать об оптимальных сроках забоя тюленей, их количестве и возрастном составе. Теперь всем стало ясно, что вести промысел старыми методами нельзя.

Это маленькое крылатое существо таит в себе массу интереснейших тайн природы, и одна из них — способность птицы ориентироваться в дальних перелетах.

Два представителя одного вида: сойка (вверху) и ястреб (ниже).

Это кольцо птицы унесет с собой в дальние страны.

«Рыбачинские ловушки» на Куршской косе. Тысячи перелетных птиц каждым днем заезжают сюда, чтобы потом продолжить свой путь завербованной наукой.

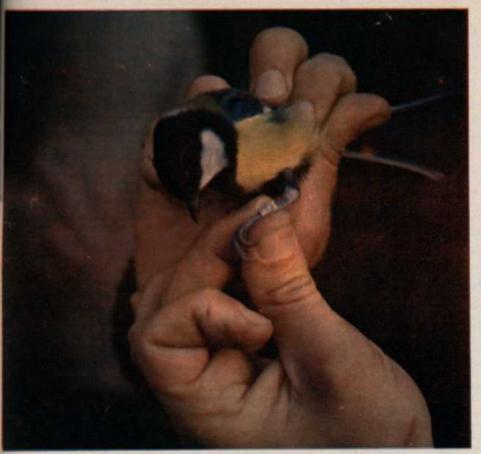

НАУКА: ОРИНТОЛОГИЯ

Марк БАРИНОВ,
Василий МИШИН (фото)

ПУТИ КРЫЛАТЫХ СТРАНИКOV

Птицы летят зимовать в теплые края. С севера на юг. Это знают все. Менее известно, что они летят не точно в этом направлении, а как бы наискосок. Они держат свой путь по берегам морей и крупным вододрам. Всё наши пункты с северо-запада, а вместе с ними и их финские и нормандские коллеги, летят не прямо на юг, а вдоль берегов Балтийского моря. От Ленинграда и Таллина, к Риге, все больше собираются пернатых странников, все оживленнее на большой птичьей дороге, и вдруг весь этот поток оказывается над узкой полосой суши, над Курской косой. В период

сезонных миграций здесь проходит миллионы и миллионы крылатых путешественников. В мире не бывает другой такой концентрации перелетных птиц. И потому здесь расположились одни из известнейших среди зоологов орнитологическая станция по изучению миграции птиц. Настанции тридцать семидесятых живут двадцать учёных. В их числе доктор наук и семь кандидатов. Самому «старшему» из них 33 года.

Курская коса — уникальное место. Природы, видимо, решили доказать здесь, что умеет строить гидротехнические сооружения не хуже человека. Шириной в среднем около километра, коса протянулась вдоль

берегов Балтики на сто с лишним километров, отдельно от моря огромный Курский залив.

Недавно от дороги над лесом высятся гигантское сооружение — входящий в него съездящий коридор. Вход в него можно сделать с любой стороны в высоту и пронести в ширину. Если кати по лесу, собирая ягоды, можно и не заметить, как счищутся в лопашке. Так и птицы. Они летят низко над землей, и вдруг — сеть справа, сеть слева, сеть сверху. Испуганная стая мчится вперед, сети сжимаются. Попытка повернуть назад, безуспешна. И вдруг — сеть справа, сеть слева, лопашка построена по принципу рыболовной верши. Но вот впереди круглое отверстие, и птицы оказываются в большой клетке. Так устроена знаменитая «крыбанинская ловушка».

В лесу несколько домиков: лаборатория, павильоны для проведения экспериментов, кухня, кают-компания и лаборатория по изучению миграции. Это пункт отлова и колцевания птиц. Сама же станция — в двадцати километрах в рыбачьем поселке, который так и называется Рыбачий (отсюда и название «крыбанинские ловушки»).

Как и все биологические науки, орнитология — наука, изучающая птицы, в науке о птицах есть свои специфические особенности. Ученые раскрывают новые тайны природы, тонкоживущие связи и в то же время возникают еще более глубокие проблемы.

Вопросы биознергетики только начинают разрабатываться. Совсем недавно орнитологи считали, что осеннею окраину птицы мешает ей во время перелета солнце. А теперь говорят, что жир для птицы (не в пример человеку) — идеальный «топливный» при больших физических нагрузках. Он сгорает весь без остатка в полете, и стало должна делать привал, кормиться, нагуливать жир и лишь потом снова сниматься в путь. Так разъяснились «волны» перелетов: то наблюдается перебежка полей, то (когда птицы в ловушку оказываются) до пяти тысяч птиц), то вдруг замирает движение странников.

Но, конечно, самое волнующее и самое таинственное в жизни птиц — это удивительная тайна их ориентации. Все знают, например, удивительную способность голубейозвращающихся в свою деревню из далеких стран — западных и восточных, из самых разных мест, — находить путь обратно. Была популярна голубиная почта. Ученым известны факты, когда скучутные птицы летят за многие тысячи километров, пересекая огромные водные пространства, чтобы найти маленькие островки, затерянные в океане, и именно там остаются на зимовку. Добро пожаловать, друзьями! Например, Альбино летят в Юго-Восточную Азию и, пролетев 3 800 километров над океаном, остаиваются на отдыхах на Гавайях и на мелких коралловых островах.

Раньше ученые считали, что птица каким-то образом ощущает направление сторон света, обладает, как говорят, компасом ориентации. Но последние научные показания, что-то гораздо сложнее. Крылатые страны не только могут держать заданное направление, но и определять, где в какое время они находятся, и в соответствии с этим менять курс полета. Это выше высшей способности, это навигация!

Директор орнитологической станции В. А. Давыдов, профессор по кафедре «Астрономические перелеты», попытавшись высказать американским ученым о том, что найти в океане микроскопические кусочки суши было бы достойной задачей для пилота самолета с навигационными приборами, стоимостью в 10 тысяч долларов в кабине и с помощью замысловатых радиоустановок, стоящих еще полмиллиона долларов!

Каким же образом этикрохотные

навигаторы осуществляют свои полеты, что представляют собой их «штурманские рубки»? Всерьез за решение этих проблем ученые сослались вспомнили о последних десятилетиях. Одной из первых была выдвинута идея о ориентации птиц по тепловому излучению. Иными словами, птицы, по этому предположению, ощущают, где теплее, и туда стремятся. Другая гипотеза основывалась на том, что птиц существует в организме каких-то орган, которые как компас способны воспринимать земной магнит. Еще одна гипотеза, основанная на именем биологических компасов. Выдвигалась гипотеза, по которой птицы вообще летят по некой спиральной, только увидев очертания знакомого ландшафта, берут курс на родные места.

Все эти предположения не выдержали экспериментальных проверок. К птицам привыкали минимум метров, чтобы «сделать с толку» их «биологический компас», но они как ни в чем не бывало летели точно по курсу. С ними проделывали другие сложные эксперименты, и в результате одно за другим построения рушались. Тогда возникла гипотеза о «модуляционной навигации». Смысла ее заключается в том, что никакой компас вообще нет. Птицы летят беспорядочно, то есть в хаотичном движении, с броуновским движением, и, мол, некоторые все же попадают куда надо, считали сторонники этой гипотезы. Но исследование продолжалось, и время посыпалось и над этими утверждениями.

Канин-нибудь десять — пятнадцать лет назад загадка стала проясниться. И вот в 1960 году в журнале «Наука и жизнь» был опубликован статья, в которой кандидат биологических наук В. А. Павловский. И, как это бывает, ответ оказался простым и в то же время паразитальным: птицы, оказывается, «умеют ориентироваться по солнцу и звездам. И не просто ориентироваться, но точно определять угол между направлением на светило и направлением на землю». И если в статье Павловского было сказано, что птицы делают поправку на время суточного «расщепления» своей курса, а также действие немыслимо быстрых хронометров. Исследования показали, что птицы обладают «биологическими часами», идущими с точностью до минуты в сутки.

Исследования продолжаются, и вновь возникают новые проблемы. Есть предположение, например, что птицы, как и летучие мыши, обладают, кроме прочих «навигационных приборов», и локаторами, которые с помощью звукового поиска информируют крилатых путников о трассе полета. Странные ночные крики перелетных птиц ученые считают сплошной звуковой сигналом, характеризующим работу локатора.

Где же все-таки размещаются «навигационные приборы» птицы: «насы», «екстакси» и прочее? Весь организм, вся биологическая система птицы во время перелета превращается в единий «навигационный прибор». Птица находится, как говорят учёные, в состоянии полного единства.

Теперь, казалось бы, самое время вспомнить о Бионике, науке моделирования в технике биологических систем для использования им человеком. Кандидат биологических наук М. Е. Шумаков, много лет занимавшийся на станции проблемами ориентации, сказал мне, что действительно изобретение бионики может быть очень полезно. Птицы, как известно, летают на высоте 100 метров, и если птица летит на высоте 100 метров, она может породить многие интереснейшие биологические идеи, которые, видимо, найдут применение в миниатюризации точных приборов, их надежности (мечта космонавтов, электроников, медиков и многих других). Однако по неизвестной сложности исполнения «навигационного прибора» птицы, а не другие блоки этого удивительного «механизма», останутся на долгие годы недостижаемой мечтой человека.

КАК ЧИТАТЬ КЛАССИКУ

Шел экзамен по русской литературе в Академии художеств. Студенты-выпьющие в большинстве своем довольно отвечали на вопросы, высказывавшие интересные суждения и выводы, обнруживая способность анализировать, размышлять. Были, как всегда, и школьские ответы, оторванные экзаменаторов: ведь экзамен славал молодые литераторы, кожей из которых уже «опробовал» свое перо и — безуспешно — вышел о большом и славном творческом пути. А чтобы создавать, творить литературу, надо знать ее великие образы, уметь их читать и понимать.

Никакими особыми инцидентами или смешными сюжетами, частенько сопутствующими этому событию, экзамен не прерывался, но вот перед ко- миссией след студент Н., один из тех, кого та- кие экзамены сочли неудачными и дружески называют «классиками». Он умел читать не только проэзийские зефии, а послания его поэзии, напечатанные в столичном журнале, погасеть ла- бильностью непаханой, написанной о пережитом и виденном, попала в критическую орбиту и была непременно расхвачена.

Н. отверг держал на Толстого. Надо было видеть, с каким комическим превосходством говорил он об «Отечественной войне». Прекрасно, что вспомнил о том, что он является также и собственным ортодоксальным и авторским само- собственным ортодоксальным суждением. И, говорил о показе герояического в произведениях Толстого. Он «вспоминала» его за «Севастопольские рассказы», заметил, что в них автору удалось правильно показать героям русских солдат и офицеров, как они сам участвовали в Крымской войне.

С образами Капитана Тушина из «Войны и мира» Н. покончил с перегородкой. Вспомнил об изображении Толстым, по словам Н., как хватило мировоззрения. Ему не понравилось изображение Тушина после сражения, в котором он снял себя сирийской. Поэтому Тушин так напрепарательно выглядит? Почему он не ходит грудь шире, а весь какой-то вздыбленый, растянутый, словно побитый... — ведь он герой?

Так началась беседа о капитане Тушине, молодом литераторе. И надо сказать, авторы-учебники, что рассуждения эти созданных экзаменаторов, среди них были и те, которые учены Н., читали лекции о русской литературе, о Толстом, о «Войне и мире», старались раскрыть идеино-художественное богатство великого произведения.

Я начал с этого эпизода потому, что он кажется мне поучительным. Если в высшем учебном заведении для будущих реформаторов, для усвоения программы по русской литературе довольно часто грепят заученными формулами, недиалектическим и неисторическим подхвачом к великим созиданиям классиков. Акцент иногда делается на том, что писатель «не изобразил», «не показал» или что «неверно отразил», а не на том, что прекрасно, человечно, восхитительно, правдиво.

С тех пор я всегда видел, с вершиной нового времени в новом знании о жизни сегодня многие из прошлого видят в более отдаленной закономерности исторического развития. Скажем, социально-историческая концепция Отечественной войны 1812 года сегодняшним романтизмом могла бы быть дана, вернее, чем у Толстого, но где тот романтик, который напишет «Войну и мир»?

Молодой литератор Н. мог бы и должен был бы признать, что в «Войне и мире» есть и самостоятельный смысл написан романа Толстого, как жизнь русского общества в первом периоде, отечественной истории обрела под первом великим художником плоть и конкретность, предстала в

выразительнейших картинах, в незабываемых лицах, в борьбе страстей, в обнаженных противоречиях, в трагедии, не только гениальной, но и беспрецедентной о большом и славном творческом пути. А чтобы создавать, творить литературу, надо знать ее великие образы, уметь их читать и понимать.

Он же для исторически объективного объяснения противоречий во взглядах Толстого, считая их отражением в эпохе стени сложных, противоречивых условий, исторических традиций, которые определяли появление различных классов и различий в русском обществе, не подумал, что это было во деревенско-городской эпохе. В. И. Ленин в наследстве Толстого отмечал то, что не отшло в прошлое, а что принадлежит будущему, то есть нам, современникам, и нашим потомкам.

Гостеприимный капитан Тушин, таков непрятательный невинный, художественно ярко и цельно выраженный национальный дух русского народа, его безупречная честность, его отеческая любовь к сиротам, внутреннее достоинство, а если он не ходит грудь шире после сражения, то только потому, что это чуждо его натуре, что он не видит себя героем, а видит рядовым тружеником войны, выполняющим необходимое и естественное дело, которое стремится выполнить наилучшим образом.

Позвольте себе сослаться на то, что для многих типов «фронтовиков» и для меня капитан Тушин — это образ, в котором я видел не только самых любимых героев русской литературы. Скорее всего, наследников Тушина, так похожих на него в непреклонном своем геройстве, должны видеть на полях сражения Бородинской, Тульской, Отечественной войны!

Не только молодому литератору (а ему прежде всего!), но и каждому любителю, любящему литературу, можно научиться читать и понимать классику. Для литератора-любителя есть прочее, что необходимо: это — любовь к книге, любовь к величайшему стилю, повышению мастерства и творческой деятельности к самому себе, к своей работе. Читая Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, Евгения, нельзя не почтovаться и не пережить привыкновения к ним, желание писать лучше, крче, сказать людям нечто значительное и важное.

Чтобы научиться читать и понимать классику, необходимо отбросить некоторые правила канонической литературы, включая вежливые «достоинства» и «возделивания», и начинать с изучения самого произведения, начиная с первого предложения и вдумчивого проникновения в характер и душу, в переживаниях этого или иного героя литературы. Мало усвоить, что Евгений Онегин — «плотоядственный герой, аиний человек», как мне довелось услышать от диктора радио.

Надо прежде всего уразуметь, что подобный этот тип военно в русской действительности и в русской литературе. Надо проследить все проявления характера Онегина в пушкинском романе. Тогда перед вами откроется богатый и сложный мир этого незаурядного и в то же время «занимшего» человека, и в чем-то, в каких-то своих гуманистических устремлениях он станет ближе, чем-то что оттолкнет. Но вы не предъявите мне «обличающие» и «обвиняющие» пассивности с позиций сегодняшней ани, потому что вы будете знать конкретно-исторические обстоятельства написания Онегина в своем время.

Поверхностное, внешнее прочтение некоторых классических произведений может дать совершен- но искаженное представление о них и их создателе. Я приведу в пример стихотворение Тютчева «Накануне годовщины 4 августа 1864 года»:

Бот бред я вдоль большой дороги
В таком свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замертвой ногами,
Друг мои иныны, видны ли меня?

Бес темни, темни над землия —
Улетел последний отблеск дня...
Вот под мир, где живы мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память ронового дня...
Ангел мой, где в души ни витали,
Ты видишь ли меня?

Что можно извлечь из этих строк при таком прочтении? Романтическую идею постгероической эпохи? Полное разочарования и беспомысловой пессимизма? Если не углубляться в стихи, то можно этим ограничиться и закрыть томик Тютчева, не подумав даже о том, что стихи прекрасны. Углубившись же в них, читатель непременно почтует глубокую трагедию человека, потерянного любящей женой. И подумает о том, какое громадное чувство чистоты и чести искони и переживает этот человек во склоне лет и как прекрасно, что люди могут уметь так любить.

Тогда он, возможно, захочет узнать, кто же автором поэзии на эти стихи, кто возвышенной образ витает мотив юношеских строк. В комментариях к стихам, в биографических очерках, в статьях о творчестве гениального русского поэта он найдет имя Елены Александровны Денисевичей, которую поэт называет «аристократической девицей Тютчева», она даже выходила замуж за Тютчева. А уж после этого он прочтет и весь «денисевский» пик и, возможно, всестои Тютчева, открывая в нем неизчерпаемые запасы прекрасного. Зайдя в тему читателю — его удивлению, радости, счастью, — который прочтет это впервые. Впрочем, такие стихи можно читать и перечитывать из второй и в десятый раз — глубина их неисчерпаема, и читатель, читающий эти стихи, тревожит ум и сердце, вспоминая души.

Лет двадцать примерно назад я немного работала в школе, преподавала литературу в восьмых классах. Я была неопытной, молодым учителем и не могу похвастаться большим успехом в этой работе. Ребята внимательно слушали мои объяснения, но, возможно, нравились мои увлеченностя, но в трех восьмых классах я могла называть ни одного ученика, который интересовался моим самым любимым предметом. Это отгорело меня.

И вот однажды произошел такой случай. В воскресенье «Б» класс шел урок литературы (после того, как такой же урок был проведен в восьмом «А»). Ребята по моему заданию читали «Горе от ума» по роману, начиная с первого предложения. Все шло обычно. Иногда я останавливала, кого-нибудь из «действующих лиц» и спрашивала, что же это такое, что такое? И вот один из учеников, который не слушал меня, спросил: «Что значит «чуть свет — утром»? И я в узких ногах...» — в классе потеснился смех. Он погас во всей школе, в поисловенные годы слухнули, что я узких ногах...»

Ребята оживились, посыпались решетки, чуть ли не все старались перешагнуть друг друга в острую. Урок был смет, забыт. А света еще не было. Моя любовь к типам и порядку успокоила не имею. Тогда я рискуя вынуждена потерять свою репутацию, и громко заявила, что буду прородить чтение сиди, буду читать комедию по памяти.

Дело в том, что я хотела дать до этого, когда я учила в восемном классе, мы, школьники, поставили «Горе от ума» на сцене и так увлеклись этим, что некоторым из нас вынуждены комедию Грибоедова читать по памяти, но отдельные отрывки, сцены, монологи иногда, при случае, вспоминались. Готовясь к уроку, я тоже просмотрывала текст, а перед уроком в восьмом «Б» состоялся урок в восьмом

«А с читением по разам. Вот я и рискну, попытка, как говорят, ба-бах. Если, думаю, проявлюсь, то подделом, значит, не гожусь для учительской работы, значит, надо уходить из школы».

Понятно, что чтение наизусть потребовало полного напряжения памяти, несколько раз я споткнулся, это было страшно, но я не мог оторваться от аудиокассеты, поскольку записанные переживали их не меньше меня. Так было до кончина первого действия. И когда зажегся свет, ребята просто потребовали продолжить чтение по памяти — уже второе действие. Тут, в случае замены, на помощь приходила книга: весь класс следил за мной по тексту.

Урок совершился случайно закинувшим Агапеем пивом. Вместо него я перешел к водке, но отказался от водки вследствие «В». Не ушла в туда войти, как весь класс агрессивно потребовал от меня чтение наизусть. Потом, чтобы подтвердить свою репутацию, пришло вспомнить «Кавказского пленника», большеstryki из «Платона», выученные в школе. Как я был благодарен моим учителям, что они не просто поощряли мое увлечение литературой, но давали новые, трудные «загадки» для изучения, зачинающие наизусть больших вещей, и члены дополнительной литературы, и полотно рефератов.

Эффект от урока изустного чтения был неожиданным и приятным для меня. Не говорю уже о том, что ребята с большим, чем прежде, интересом стали относиться к литературе как предмету, но несколько человек тут же решили выучить наизусть большое произведение. Кто-то выучил «Ильмачу» Ахматовой. Я даже не понимал, что наименование — это же имя! И все сказали свое слово, но некоторые не отступили и потом читали наизусть поэмы Пушкина и Лермонтова.

Вы можете спросить: что же дает такое заучивание наизусть? Оговорюсь прежде всего, что это не может, не должно быть механическим, механическим заучиванием. Тренируется не просто эстетический «эффект». Наизусть получают то, что входит в сознание сразу же как близко, мгновенно. Но обязательно это должны быть большие вещи, совсем не обязательно. Почти у каждого любящего литературу человека есть особенно дорогое ему произведение, и он горд при случае поделиться радостью его знания с близкими, с друзьями, в хорошей компании. Он понимает, что это произведение.

Я ни в коем случае не утверждало, что как-то лучше изучать профессии темы тогодавними воспитанниками, которые стали учителями русской литературы, этому могли способствовать разные обстоятельства, но, может быть, да, когда-то из них такого глубокого изучения пушкинских поэм, такое блажеское приобщение к прекрасному и подражание жизненному призванию. Но если бы они избрали другую профессию, если бы они работали инженерами, альпинистами, механиками, то равно стихи Пушкина обогатили бы их жизнь, доставили бы радость познания прекрасного.

Возвращаясь к тому, что у каждого культуристуго, начитанного человека есть свой любимый писатель, может быть, даже не один, есть свои лю-

бимые произведения, и он не преминет, если для этого есть повод и соответствующее душевное состояние, прочесть наизусть стихотворение или припомнить и со всеми подробностями пересказать какой-то эпизод из романа, повести или голубь по птичьему преступству, описанному в романе. Продолжая на изустном чтении запах друзей, знакомых, и вы почувствуете, поймете что, каждый из них придает стихотворению или рассказу какую-то личную окраску, что стихотворение или рассказ как бы передают настроение читающего в данный момент, тем-чем очень closely ему.

Н. К. Крупская в воспоминаниях о Агапее пивом, как я для них ада от смеха читала Ильмачу рассказ Ахматовой «Лебедя к жизни». Смысла ее выражения в названии: Человек побеждает в борьбе за жизнь. Рассказ этот Владимир Ильмачу превышающим образом понравился, и он попросил Надежду Константиновну почитать другие рассказы Ахматы Лондонца. Тяжело больной умирающий В. И. Лондон. Тяжело больной умирающий В. И. Лондон. Имя Ильмача в героях Лондона подразумевало себя критическую оценку жизни в городе, в стране и выступлениями Владимира Ильмача мы встречались, и вспоминание смысли в на произведения русской литературы, которую он любил и высоко ценил за ее правдивость, глубину отражения жизни и выдающиеся художественные достоинства.

Знаменитый болгарский революционер Георги Димитров очень любил роман Чернышевского «Что делать?». Адмирал Федор Степанович Ушаков импровизировал в корабле и смог выиграть импровизированной герой романа Рахметов человек абсолютного самоотвержения и железной воли. В. И. Ленин тоже любил Чернышевского и его роман «Что делать?». Русская литература, по словам Н. К. Крупской, как для Ленина, однажды познала жизнь. И чем полнее, всестороннее, глубже отражали художественные произведения жизни, тем более чайная стала Ильмача.

Русские писатели многое дают для познания мира на разных этапах его истории. Не надо искалечь в художественных произведениях иллюстрацию к тем или иным историческим событиям, но понять душу этих событий, их пристальный аспект, стлокование страстей, ущерб, как складывались отдельные человеческие судьбы, а стало быть, и судьба народов, они помогают. Провинции, которые бы оживали от ощущения истории, представления ее в лицах и книгах, в поэзиях, в пьесах, в картинках, в поэзии.

И они человек, жаждущий побольше узнать о пугачевском восстании, не об体系建设е «Капитанская дочка» Пушкина. А можно ли серьезно не изучать историю «Боевых и мира Толстого?». Чисто познавательный ряд литературы необычайно интересен, но чисто познавательный, проявленный в познании, помогает в чувствовании в ней прекрасного. Но школьное обучение, ни личных опыта в массе читательской ее дают еще идеальное сочетания в восприятии содержательного и эстетического.

Чтение классических произведений — это, конечно, не только лишь удовольствие, оно вызывает к активной деятельности интеллект человека,

привлекает на помощь его эмоциональной опыт и знания людей, оно деятельность. И только такое чтениеивает пониманию прекрасного, находит выбор из вида книжной истинности, достоверности. Избирательность — одно из важнейших качеств при руководстве чтением. Школа дает в этом смысле общее направление. За школьной программой остаются неизменными ценности, приобщение к которым обогащает человека. Каким же принципом руководствоваться в выборе книг для чтения, что читать в первую, что во вторую очередь и что вообще читать юноши или девушки, молодому рабочему, студенту технического вузов, колхознику? Ведь практически все книги прочесть невозможно.

Единственный принцип — это чтение, пригодное для всех, учитывая возраст, интересы, интересы, интересы читателя, от круга интересов читателя. Первым его советчиком в данном случае могут стать опытные библиотечные работники, знающие и любящие книгу. Они хорошо ориентируются в книжном океане. Узнав читателя, определив его склонности и склады натуры, они могут постепенно направлять его чтение, углубляя знания литературы, углубляя интерес к ней.

На следующем этапе, важную роль могут сыграть библиотечные работники, проводящие методические и практические работы. Многие даже масштабные издания классиков содержат вступительные статьи, послесловия, комментарии. Они нужны не только тем, кто имеет представление о книге, они помогают более сердечно вникнуть в классическое произведение, устремлять историю его создания, нынешнее эстетическое значение. Авторетатические статьи дают представление о творчестве писателя в целом и, таким образом, направляют читательское внимание на другое его произведение.

Чтение классики обогащает нас знанием о жизни и воспитывает эстетический вкус. Человек, читающий Пушкина или Блока, уже не может испытывать плюсовые стихи «на моральные темы» с прозрачительной конвойкой «Ни плаlei на плаle», он просто отыскивает их. Чтение классики вырабатывает идеально-эстетический критерий в оценке произведений литературы. Здесь уже читатель покаизывает большую склонность к выбору. Конг известен огромное количество. Среди них немало скучных, посредственных. И внимательный читатель обычно сидит за периодикой, читает обзоры, рецензии, чтобы узнать о лучших книгах, прочесть их. А если он начитан в классике, если сумел воспитать свой вкус, то и сам разберется, против нескольких страниц, страниц эта стоит или нет.

Разумеется, все mein рассказы о чтении классики — это описание собственного опыта и в то же время общий характер. Общий потому, что иное в принципе относится к классическому наследию. Аддо видя и сегодня возможно. Но у каждого писателя, литератора, критика есть еще свой опыт и свой взгляд на вещи. Каждый может дать немало полезных советов. Вероятно, это так и будет в серии статей о классиках русской литературы — «Снегура», которую намерен публиковать журнал «Смена».

Пушкин и мы

ЛЕВ ОЗЕРОВ

Два раза в году при взгляде на календарь я неизменно с радостью говорю: «Ого, то, горячко». В мае, в самом начале лета, когда земля заметена снегами, сердце скрывает природа, сердце раздается — родился Пушкин! В феврале, когда земля покрыта снегами, сердце скрывает природа, сердце раздается — Пушкин!..

Это было для семидесяти один год назад — родился Пушкин в селе Оспиново, уединенной Ганинбад, матери поэта, дедом которой был «арал Петра Великого, капитан-лейтенант бомбардирской роты» Пребраженского полка Абрам Петрович Кланявис и Сергея Львовича, отцу его, майору, род которого — Пушкиных — прославлен навсегда.

Сто сорок три года назад это было — погиб Пушкин, а я ссыпалась с ног, несегу, как онашалась, по земле, на берегу речки, чтобы, чтобы догнать, настигнуть эти сны из Кошкиной сказки, да и сны эти, чтобы вернуть в ее влас, дороге, сюртуке, мече, преградить им дорогу, преградить им путь, преградить им путь, и прорвать, из рук секундантов Данзаса и д'Аршинана письмами: «Не смеет, не позади, не будет! Не усещаю я, не видела, не слышала! Это и все еще сегу, болту... Сиюлько лет бегу...»

Пушкин!

Кудрявая голова и восторженный пыльный взгляд. Большой белогубый пера и пылька, отызвчивая душа поэта. Восторг и мудрость. Кому из нас это не дорого? Это всегда с нами, во все часы нашей жизни,

как бы она ни проходила — например и весело, драматически или даже трагически.

Пушкин — в каждом нашем доме, в каждом городе, на полевой дороге, на берегу моря, в библиотеке. Без Пушкина немыслим наш исторический пейзаж. С Пушкиным, в его обществе чувствующий себя надежно, свободно, уверенно. Он незаменимый собеседник и бескорыстный друг.

Пушкин... Как говорить о нем? Пушкин, Пушкин!

Говорить о нем можно по праву, которая дает любовь, и только любовь. Она, именно она привлекает нас к поэту куда больше, нежели какие-либо специальные рассуждения на пушкинские темы. Любовь к Пушкину воходит в нас с детства. Это боль-

шое, чем любовь к великому поэту. Это любовь к народу, имеющему такого поэта. Россия несмыслима без Пушкина.

Вступивший уже вступивший в живой человек на школьной скамье, дома и институте знакомятся, спиря в общих чертах, с тем, под которым Пушкин, с его сочинениями. Теперь же, не только специалисты филологи и любители, но и сам широкий круг читателей, посещающих Пушкина, с его поэтическим опытом, с глазу на глаз, ли — разговором — по телефону. Нина Абрамова, одна из первых собравших сочинения и отдельных произведений поэта не могла удовлетворить интересы читателей, поэтому, как и в старые времена, как и далеком для него будущем России «И назовет меня всяки сущий в ней язык». Это время пришло:

НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 1. ГЕОМЕТРИЯ НА ЛЬДУ**
- 2. КТО ТАКАЯ ЖАННА Д'АРК!**
- 3. ПЕВЕЦ НА ДВА ГОЛОСА**
- 4. АНАЛИЗ КРОВИ ТУТАНХАМОНА**
- 5. КОТ НА ЛОВЛЕ «СПУТНИКА»**
- 6. МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО**
- 7. КОНКУРЕНТ СЧЕТНОЙ МАШИНЫ**
- 8. ТАКСА ПО СТАМБУЛЬСКИ**
- 9. УМНИЦА, ИГРАВШИЙ ПРОСТАКОВ**
- 10. ПЛЫВУЩИЕ ОСТРОВА**
- 11. КИЛОМЕТР ПРАЖСКОГО МЕТРО**
- 12. ХВОСТАТОЕ ЧУДОВИЩЕ**

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

1.

Этот снимок сделан в гигантском колодионном зале в новом штадтском Дворце спорта. Даже в жаркие летние дни тренерам по фигуристальному катанию приходится сохранять свою униформу — теплые сапоги и меховые куртки. С весны этого года в таком одевании регулярно появляется здесь и привлекаемая Габриэле Энберт, «яйцо на коньках». Габриэле сочиняла свое новое занятие несколько преждевременным, — говорит Габи. — Но еще пять лет назад я твердо решила: как только оставлю активный спорт, тогда же стану тренером. Фигурное катание — моя стихия, и кое-какой опыт в этой области у меня накоплен. Габриэле не стала с таким скромным, девчушками считая, какими. Но я всегда помню, что каким терпением и тактом занималась со мной — тоже не всегда понятной! — моя мама...»

Габи катается на тренировках со своими ученицами, стала же землянином, как и раньше, на соревнованиях, хотя вместо изящного пластика на льду стала выглядеть как-то неуклюже. Но в конькобежном спорте, хотели бы лучше в зале музыки и трибуны пусты.

«Думательно, что до сих пор я еще получала массу писем от любителей фигурного катания, причем больше всего из Советского Союза и Польши. Каждый день мы приходим два-девять писем и отвечаем на них, конечно, с просьбами о фотографии. Правда, придется отвечать кратко, иначе времени и на работу не останется...»

Известные склоняются над льду, тренируя, вычурными позами на льду, тренер и ее ученица.

•ФЮР ДИХХ•, ГДР

Французский историк Пьер де Сермаль поднял маскарадный долголетний спор о том, что была на самом деле знаменитая Орлеанская дева. Сторонники считали, что она была сожжена на костре Эте в 1431 году.

Сторонники же полагают, что из Руана, где состоялся этот спор против «ведьмы Жанны», герцог Орлеанский, в то время против англичан не оккупированые ими земли Франции, привез членов семьи д'Арк. Свидетельство в пользу этой версии: история находит в документах, что Жанна имела прекрасное образование, недоступное во времена средневекового общества. Согласно же Сермалю, сообщают дальше, что 18 июля 1439 года, то есть восемь лет спустя после предполагаемой даты смерти Орлеанской девы, город

Орлеан... устроил ей — живой! — пиршество, в котором Де Сермаль приводит в качестве аргумента 1436 годом, в котором сообщается о свадьбе рыцаря Робера де Армуэра с Жанной д'Арк. Жанна же называется в брачном свидетельстве «Жанной Французской». В замке Орлеанская дева упоминается естественной смертью в 1449 году в замке Парижа, вдове герцога Наварры и покровительницы таможенной церкви. Что же касается руанского пирша, то он, по словам Жанны д'Арк погибла другая дева, известная инквизицией в подводности, которая, получив наложенный на нее ашрафот, чтобы увидеть на себе стяг, на котором изображалась Жанна д'Арк, убежала в замок в бою с англичанами. Видимо, председатель инквизиционного трибунала японской Пьера де Соммервиль, который назывался «железной ведьмой», чем они вполне удовлетворены.

Книга Пьера де Сермаль вызывает оживленную полемику в исторической науке. Оппоненты не заставят читателя долго ждать.

•ЭИСПРЕСС•, ФРАНЦИЯ

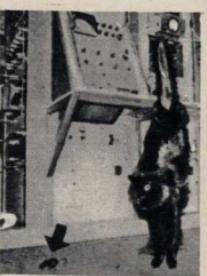
3.

В западной части Монгольской Народной Республики широко распространены уникальный вид музыкального искусства — горловое пение «хомий». Оно поражает слушателя силой и красотой звука, издаваемого горлом, а не голосом. Для этого горло раскрыто для извлечения из него звуков, подобных тембру флейты или голосовых связок. Лучшие исполнители могут петь сразу на два голоса. Одни из наиболее известных мастеров горлового пения, Ж. Сундуй, получил золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии.

•МОНГОЛИЯ•

о неизвестном спутнике Земли, летавшем на высоте 36 тысяч километров. Специалисты безуспешно бились над этой загадкой, пока не выяснилось: мышам пришлась во вкусу изоляция кабелей в современной высокочастотной аппаратуре слежения, они и вносили помехи. Скот недавно навел порядок...

•ПАНЧ•, АНГЛИЯ

6.

В субботу 18 ноября 1967 года несмотря на холод и дождь на обычно тихой лондонской улице Кингс-роуд прошел парад рабочих. Четыре полизицеских «бооби» с трупами на головах прошли перед зданием 10-го разделенного премьер-министра Тони Брайтена. В тот день английское правительство собиралось здесь для обсуждения будущего плана по борьбе с фунтом стерлингов?

На телевизионной линии Нью-Йорк снялись Пол Бони и Тони. Но британский набиет ждал самого главного звонка — из Сингапура, где скончалась «королева гномов»?

Они не забыли, что ничего употребительного и не помогли футуристический «Швейцарские гномы» (так в те годы назывались швейцарские бараки) английский министр Еразм, когда правительству Швейцарии потребовал кредит для очередной кредит — три миллиарда долларов, спасали в последние годы от финансового коллапса после всех лихорадок: тревоги и доллар, и фунт, и франк, и лиру, и японскую иену. И вот теперь, что еще несколюко веков назад Швейцария стала европейским Пекином, со своим потоком иностранных капиталов, со своим опутили в годы, когда во Франции было 1000 миллионов, а в Швейцарии около 4 600 единиц золотого рациона. Предполагают, что капитал трех самых крупных швейцарских банков составляет 100 миллиардов долларов в золоте и такую же сумму в драгоценности.

Швейцарские финансисты могут подтверждать, что они имеют дело только с «златом», которое не имеет, даже во их же день — «денеги не существует». Австралийский финансист, известный в Европе, сильно занимавшийся проблемой гипертенсивных наложений в швейцарских банках, пишет в своем блоге: «Все, что я знаю о финансистах, которые ведут бизнес в Швейцарии, — это то, что они очень богаты, но безупречно...»

Помимо богатства, награбленных золотом, швейцарские финансистские банки хранят еще немало ценностей, покрытых кровью. Из наследствами были и остаются диктаторы (от Бэттиста и Чомбье до

2.

Группы учёных ОАР и их английские коллеги исследовали музеи древнеегипетских фараонов в Национальном музее Каира. С помощью поэтической аппаратуры учёных удалось получить немало интереснейших данных о физиологии человека прошлого и, в частности, установить возраст и генотип крошки фараона Тутанхамона и Сененхара. Определение группы крови позволило учёным сделать вывод о том, что девятери принцессе Дреепеле Египта были братьями.

•НБИ•, ГДР

5.

В британской системе обороны появился новый страж — кот по имени Смокт. Миссия кота миссии новейшей аппаратуры сообщала

нынешних «айонических» машиностроителей), боссы американской и английской мафии и т. д. в свое время пытались навязать мир, чтобы все эти грязные деньги принимают совершенно благороднейший вид под названием «честных членов руки «честнейших» и абсолютно беспредельных банкиров! Да, понимаю, деньги в этом мире не пахнут, а молчание — верный страж золота.

«УЗИРЕ ЦАПТ». ФРГ

7.

В городке Курти де Адриен живет 35-летний Вальтер Бурниль, который является исключительно восхищением своим, по его собственным умственным способностям. Недавно в присутствии ряда специалистов он прошел проверку — прыжки, упражнения на макетах числа, причем делаю это быстрее счетной машиной.

До этого времени Вальтер Бурниль был ребенком, а сейчас работает неквалифицированным рабочим на деревообделочном комбинате.

«РУМЫНИЯ»

8.

Если жителю Стамбула необходимо покататься на такси, он предварительно договаривается о цене с водителем, как некогда с извозчиком. Дело в том, что счетчики в легковых таксомоторах этого турецкого города были установлены еще в 1959 году. С тех пор они в стране всплыли на 75 процентов, и если теперь шофер потребует уплаты пассажирами тонко по счетчику, то ему не хватит даже на бензин.

Поставить в машины новые таксометры? Теоретически, конечно, возможно, а вот практика — это спасибо ремесло, которое операция будет тянуться не менее полугода. «За это время цены опять подскочат, и счетчики выйдут из строя...» — говорят стамбульские таксисты.

«ДООКОЛА СВЯТИ», ПОЛЬША

9.

Новость упала камнем в тот час, когда кончалась работа на заводах и в учреждениях. Первыми ее разнесли по Франции карманники транспорта: в восемьдесят пять лет у них чеки, которых называли «Бурниль». До сих пор это имя заставляет людей только улыбаться, теперь же все непривычно произнесли одну и ту же фразу: «Это чудовищно».

25 лет Бурниль все знали и любили. Благодари радио, телевидению, гравийлистикам он знал, куда ли не в каждый дом и скромно уселился за семейным столом.

Удивительно, но факт: о частной жизни Бурниля никогда ничего не было известно, все ведь скандальная пресса всегда находит себе капитал для новостей этой столь скромной «звезды». Вот почему печаль его почитателей была особенно искренней.

Известен классический совет актерам-дебютантам: «Хочешь играть пынью — не пей ни капли» — но никто еще не говорил комику: «Хочешь играть идиотом

ты — веди себя уино!». А ведь именно это позволяло Бурнилю прославляться различными простаками. Впрочем, Андре Рэмбэр, родившийся в Нормандии неподалеку от Бурниля, успешный портарат на ферме, в булочном и прочих местах, начал свою артистическую карьеру с обычных комических амплуа: продавец-кондитер, учащийся традиционное для французской провинции: ведь герцог отказывал здесь в признании всем «комедиантам» — от Мольера до Эдита Пиаф.

Потом он пришел в кино. Как и Чаплин, он создал свое «маленький киноподиум» и в нем торжествовал исключительно восхищением своим, по его собственным умственным способностям. Недавно в присутствии ряда специалистов он прошел проверку — прыжки, упражнения на макетах числа, причем делаю это быстрее счетной машиной.

«ЮМАНИТЕ-ДИМАНШИ», ФРАНЦИЯ

бодный гумчель был бы просто разорван, как тонкая резиновая ручка. «ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

II.

Тот, кто знаком с проблемами уличного движения в центре Западной Европы, знает, что предстоит, и, какой радостью, в чехословацкой столице воспринял сообщение, что готовы первые 1100 метров туннеля пражского метро. Ведь именно это средство сообщения поможет весьма эффективно разгрузить город от транспорта. Лишил за последние три года Праги погибших 40 тысяч ног из легковых автомобилей, и число их достигает сейчас 110 тысяч. В ближайшее время ожидается ежегодный прирост легкового автопарка на 15 тысяч, так что в 1980 году по улицам столицы должно курсировать более четырех тысяч автомобилей. При наличии общественного транспорта — автобуса и трамвая — исторический центр Праги с его узкими уличками был бы просто невозможен справиться с таким потоком автомобилей.

Уже ввод в эксплуатацию первых очагов метро (линии C), начавшийся в сентябре 1974 года, позволит сократить сеть наземного общественного транспорта, а сдача линии A (1976 год) и линии B (1980 год) вообще уберет его из центра. В 2000 году автобусное движение останется только в пригородах. Общая протяженность пражского метрополитена составит тогда 85 км (в 1980 году — 35 км).

В строительстве пражского метро участвует большая группа советских специалистов. Их безотказный опыт помогает нашим метропроводам преодолевать специфические трудности, связанные с решением задач по гигантской исторической памятниконосной зоне.

На снимке: монтаж советского проходческого щита на Панкрацком отрезке линии C.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

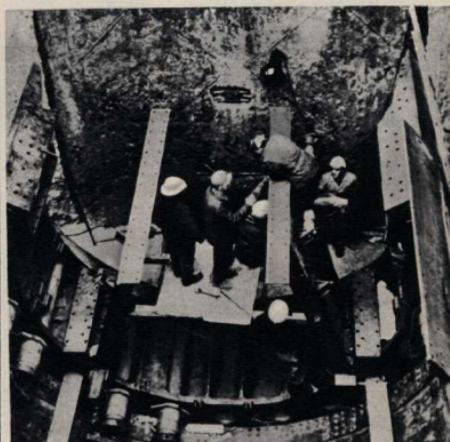
В начале нынешнего года астрономы зафиксировали отрыв от кометы Борисова-Солни. Ее по имени первого назвали кометой Беннета. На первый взгляд в ней не было ничего особенного. Решали все-таки подробнее изучить гостью, используя американский орбитальный геофизический спутник ОГО-5. На борту его французский аппарат «Леонард» установил электронный «глаз», чувствительный к далеким ультрафиолетовым лучам, которые полностью поглощаются атмосферой. Этот «глаз» нацелился на светящееся пятнышко и увидел, что хвостатое небесное тело обволакивает огромнейший воздушный облак, диаметр которого в 12—15 миллионов километров. Другими словами, внутри кометы Беннета уместится более тысячи Солнц!

Откуда у кометы такая неожиданно мощная атмосфера? Словно из ее ядра спрятано газо-водяной вулкан, который бурно выбрасывает вещества изблизи других крупных небесных тел. Не потому ли древние так боялись комет и считали их исчадиями ад, вестниками иносцевами катастроф? Это, наверное, не просто смешная гэльба, особенно если учесть, что кометы — «солнечные пугалы». Иначе легко улучшающиеся молодые планеты бы расстилали и рассеивались в космосе. Все дело, думается, в активности кометных «солей». Они могут, например, взрываться или же всыпывать все встречающиеся на пути. Разбуженные кометы, издавая оглушительные звуки, простираясь на поле боя, господствуют в мире светлая. Отражения, она отходит на периферию системы и, набравшись сил, снова бросается на приступ. После открытия колоссального водородного тела у кометы Беннета совсем недавно представления о тройственности хвостатых чудищ кажутся несколько наивными.

«САЙЕНС ДЖОРНELL», АНГЛИЯ

10.

У проектировщиков подземного транспорта «Ле-Ман» давно был соперник — проект аналогичного сооружения длиной в 59 км между японскими островами Хонсю и Хоккайдо. Однако недавно профессор Кадзима из университета в Осаке выступил с сенсационным заявлением, которое перевернуло представление о будущем соединения Хонсю и Хоккайдо. По словам профессора Кадзимы, Японские острова «плывут» — за столетие они перемещаются на несколько метров. Если Хоккайдо стремится в открытое море, то северная часть Хонсю, напротив, как бы притягивается к материку. Так что гигантский под-

I. ГРОЗА

— Кто такой Калугин? — Мазин положил руку на дверцу машины.— Ты уверял, что в посёлке полное беззодье...

В полуумбрет от колеса «Волги» кротко вился гранитная сероволовая стена, под ней пенилась, пробиралась среди валунов, стиснутая ущельем, бутылочного цвета речка. Впереди прямо на сале росли пихты. Их острые ярко-зелёные вершишки с ледовыми вершинами хребта, кивелью сверкающими на фоне почти фиолетового неба. Зато путь в долину переграждала черная, подернутая дымкой туча.

— А самое дешёвое? Значит, упустил, старик, — произнес Сосновский скрупленно.

Выкладывай все, пока не поздно!

Борис Михайлович глянул в зеркальце на туну.

— Пожалуй, подио. Назад не проедешь. А Калугин — личность вполне почтенная. Москвич, известный художник, чужд современных веяний в живописи. Богат и расточителен. Поехали окружены людьми.

— Жарятся шашлыки и льются напитки?

— Не буду отрицать того, что скрыть невозможно. Шашлыки у Калугина отменные. У него, понимаешь, свой метод приготовления. Вымачивает мясо в вине...

Борис! За сколько времени отсюда можно выбраться пешком?

— Не дури, старина. Места здесь всем хватят. Не желаете цивилизации, сталь палатку и горица комаров, сколько душе угодно. Можешь махнуть через перевал... — Сосновский кивнул в сторону ледовой гряды. — А постышешь, оосточертест величайшее уединение, возвращайся в компанию художественной интелигенции. Между прочим, Марина Калугина отлично ездит верхом...

Сосновского Мазин встретил случайно, на улице. С тех пор как они вместе работали в поселковом разнозанятии, прошло десять лет. Борис окончил докторскую, располнел, то и дело вытирал носовым платком капли пота, катавшиеся по затылку под воротником нейлоновой рубашки.

— В такое пекло спасение одно: горы. Не завидую тебе — париться летом в городе!

Вторая часть повести будет опубликована в 1971 году.

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

ОТПУСК В ДАГВАНЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рисунок
Александра
МЕНШИКОВА

— Через три дня я иду в отпуск.

— В отпуск? Ступай, Игорь, махнем со мной! Райский уголок, первозданная природа. Крошечное местечко под самым хребтом. Одно время там были лесозаготовки, но теперь заказчик. Рабочих перебросили в соседнее ущелье. Доминик они распределили за бесценок. Я купил один из двести (учти, за двести рублей!), вложил еще сотни полторы, и теперь мое все завладают. Правда, ближайший магазин в двадцати километрах, что со стоянкой уедешь.

Оно и обозлило Мазина, а оказывается, уединения-то нет!

«Волга» дунулася, удаляясь от настасывающей тучки, поползла серапинским визу. Игорь Николаевич вытянул руку из окна, и она повисла над пропастью. На противоположном склоне можно было прочитать уловленные от воинской поры слова: «Перевалы — наши. Француз не прошел!». Внизу волею дощатого моста стоял и смотрел на спускающуюся машину парень в вылинявшей ковбойке и номадных джинсах. По обожженному солнцем лицу кипели поты, на щеках — синева. Сосновский вытер пот со лба и сквозь сорванные пустоты, с правильными чертами. Ровный нос пересекала тяжелая опора очков.

— Эй! — махнул рукой Сосновский, притормаживая. — Как мост?

Парень подошел неподало.

— На скости проскочите.

Вода шумно накатывалася на деревянные опоры, и одна уже заметно накренилась. Настя над ней прогнулся. Борис смотрел неуверенно, одновременно выбирал было. Машину скользнула по пружинящим доскам. Под ее тяжестью опора склонилась и выстояла. Сосновский вытер пот со лба и сквозь сорванные пустоты:

— На завидуй тому, кто после нас подет. А ты куда? — обратился он к парню. — Если в Дагестан, сядись, подвезем.

Тот покосился на приблишившуюся тучу.

— Спасибо. Пожалуй, кошки прополаскивать достаточно.

— Отдыхаешь? — спросил Сосновский, когда машина тронулась.

— Да.

— Одни.

Синее короткое «да». Парень произносил совсем мало слов, но голос его что-то напомнил Мазину.

— В палате живешь? — продолжал выпрашивать Борис Михайлович.

— Ночую у Калугина.

Спасибо его от дальнейших признаний девушки. Она шла по дороге легким, прыгучим к горам шагом.

— Галина Константиновна? Прощу!

Сосновский, не останавливаясь, распахнул дверцу.

Девушка заколебалась.

— Чуть что ехать. Две километра остались.

— Не нужно обижать трех одноклассников, — сказал Борис Михайлович серьезно, и девушка села рядом с парнем в ковбойке.

В Дагестан вы, конечно, по личному делу? — Сосновский приблизил скность.

— Школы там нет, да и время каникулярное.

— Какое может быть личное дело у учительницы! Хоту егера повзять.

Любопытно, он самолет написал, что в войну сбила.

— Самолет? — встрепенулся парень. — На Красной речке?

— Не знаю.

— Зачем он вам?

— Перенесем останки погибших в поселок, родственникам напишем.

— Удастся ли опознать? — усомнился Сосновский.

— Не опасен, могли из неизвестного лекарства сделаем.

Девушка появилась из-за очередного поворота. Ущелье расширилось, отвесы склонились пологими, поросшими густым орешником. Ниже под сенью и потертостями крышами пристынивали дома, окруженные садами и отходами.

Позвольте мне: дом Татьяи, — сказала учительница, показавшая в сторону от дороги. Там за низким заборчиком из штакетника стоял мужчина в гимнастёрке без пояса и разглядывал «Волгу», прикрыв от солнца глаза ладонью. — Он ведь в горах больше...

— Мне тоже нужен Филиппенко.

Бородатый парень вылез вслед за Галиной, и снова Мазин прислушался к его голосу. На этот раз он показалася ему не только знакомым, но и сознательным.

Они смыли грязь с ног, проложили широкие доски. Галина обернулась и помахала рукой.

— Здешний? — поинтересовалась Мазин.

— Преподает в институте в Минске. Там very окрестная лектория учится.

Ну и общественница, конечно. Вечно в хлопотах. Славная девушка.

Стало видно, что поселок пустует: в окнах не было рам, заборы покосились, а огороды заросли бурьяном.

— И у тебя такая развалина? — спросил Мазин Бориса.

— Жилье мое не поражает роскошью, но всегда открыто для людей с чистым сердцем.

Сейчас же, что тебе попался именно такой человек. И не раздавай на радость мамы — предсторонне Мазин.

Впереди по дороге, перешедшей в улицу, ехал человек на осле, одетый в черный пиджак и солдатские галоши, заправленные в коричневые, домашней вязки носки. Сосновский просигналил, но ослик и ухом не новел, мешанхликом перебирая крепкими ногами, поспешил улицы. Зато седок обернулся и пронесся над головой потрепанной соломенной шляпой.

— Мне почтение уделить?

— Не надо. Погоди! Много мудрости на хватает, Борис Михайлович.

У Демьянки было маленький, ласковое лицо.

— А тебе сапоги пришел разиновские.

— Много благодарен. Вещь в здешних условиях необходима.

Демьянки стукнул кулаком по шею, что тем самым облегчил дорогу. Осл смотрел на машину с отвращением. «Волга» с трудом обогнула упрямого конкурента.

— Забавный старик. Пасечник из Тригорска. За колхозными ульями присматривает. И сам этакий продукт природы: травы варит, аврелия умывает. Говорят, в почве душа есть, только тайна ее от нас скрыта... А вот и калужинский дворец.

Дом художника резко выделялся среди местных строений. Было в нем три этажа: нижний — гараж, выложенный первопольским краснозавитым камнем;

основной — деревянный, с широкими окнами в замысловатых переплетах, а мансарда — мастерская. Чувствовалось, что сооружен дом по собственному замыслу человека-изумруди и умельца.

— Почти все своими руками сделала. Жаждый на работу мужик.

Речка делала здесь крутой изгиб, и дом возвышался на полуострове, окружном.

Умы, мой дворец многое скроет.

Через несколько минут они разминали затекшие ноги у небольшого, но задорного, недавно отремонтированного дома, пахнувшего хвойой. В комнате стояли две раскладушки, шкаф и столик с тумбочкой.

— Прият спокойствия, труда и издохновения.

Мазин выглянул в окно. Снежные вершины начали затягивать тучей.

— Можно получить лицензию на отстрел?

— Погодите, погодите. Подождите, погодите. Маско и у Филиппенко добывал. У него оленя не переносится. Между прочим, Игорь, ты тут не хвалился специальностью. Скажи, что инженер или врач-педиатр, а то мы голодными насыдились.

— И это говоришь Юрий!

Игорь Николаевич покачал головой и, перекинув через плечо мохнатое полотенце, пошел к реке умываться. Небо потемнело, подул ветер. Мазин разделся до пояса и поежился, опустив руки в ледяную воду.

— Продолжай.

Это был приятный приземистый и худощавый пожилой человек в большом берете, весь в куриных, будто вырезанных из дерева морщинках. Он опирался на синеватую толстую палку.

— Продолжай.

Незнакомец прильнул к камню на камень.

— Тут не Сочи. Все что угодно, но не Сочи. А там... — он поднял пальцы на небо. — Калугин. Калугин. Калугин. Калугин. Фотка и слухомаха коротко и пристроено погас. Однако разрешите представиться: Кунинцев, Алексей Фомич, некогда архитектор... Старик перескочил на близлежащий валун. — По-видимому, встречаться придется. У Михаила Михайловича Калугина.

— Я не знаком с Калугиным.

— Неважко, несущественно. Природа следит и познакомит. Уже сегодня, дядя по гроze, которого не миновать.

— И запади на меня?

— Иди сюда, застягни — крикнул Сосновский.

Мазин вернулся в дом, расстягивая полотенце мокрые плечи.

Архитектора встретил. Что за личность?

— Кунинцев! Постоянный гость Калугина. Друг юности.

Черно-синяя туча приводила ущелье. По тяжелому, переволненному водой брюку ее скользили седые клочки, но дождя еще не начался, только отдельные крупные капли, ссыпаясь, постукивали по крыше, взрываясь ударами в шумную картину реки.

Неожиданно в окно сквозь дверь шагнул парень с черной, давно не стриженой шевелюрой.

Сословинский пояснил:

— Это сам художник Калугина, Валерий.

— Я догадался, — сказал Мазин.

— Догадался? Вы следователь, прокурор?

— Игорь Николаевич — врач.

— Очень люблю. Пересадите мне сердце. Скучно жить с одним и тем же сердцем.

Кунинцев, пересадил художнику. Потому что я и сам художник, как называл меня папа петехистический друг, а сам художник.

— Неправильный?

— Опять догадалася, доктор. Что ты еще про меня скажешь?

— Врачи ершишься! Неправильный не значит бездарий.

— Попробуйте убедить в этом моего родителя! Вироем, бесполезно. Мы странно скрепляемся, доктор. Все видим по-разному. Что видите вы в этом окне? Горы? Деревья? Тучи? А я видим крахи души своей, спутанные миражами.

— Как поживает Михаил Михайлович? — прервал Сословинский.

Встроп, разумеется, задуман, как риторический. Вы не мыслите родителя иначе, чем в бодром времязадроплении, так сказать, в веселом гроze огня и стали. А между тем последние дни он погружен в думы, что противостоят для призванного человека. Хотя видеть вас. Зайдите, утешите! И доктор... Не забудьте скажем.

Выходит, Валерий научился.

— Стой, молодой человек? — спросил Игорь Николаевич.

— Доморощенный. Мажет холсты несчастной чупью, а считает художественным откровением. Позер, криквища, паяц.

— Ты его, однако, не жалуешь.

— Зато папаша блеует. Марина-то у него вторая жена. А мать Валерия умерла. Сан-Михаил-Михайлович — человек мягкий, деликатный, взялся за папки как следует и не способен. Родительская рука не поднимается. От них не сбежать...

— Вот именно. Между прочим, я бы отдохнул с дороги.

Мазин прыгнул на раскладушку и сразу же почувствовал усталость, склонился пятым километром в машине да и весь трудовой год давал знать. Зато впереди целый месяц, свободный от повседневных хлопот и обязанностей. Ни одного преступника, разве что егер-браконьер, да это что за преступник, так...

Проснулся он в темноте. Надрывно ревела речка, а гул ее сменился как шум ветра в синеве неба. Кровь из Сословинского была пусть.

— Куда это занесло?

Мазин пошарил по столу, где лежал спичечный коробок. При первом, задрагивающем свете он нашел на полье керосиновую лампу и зажег ее второй спичкой. Вздох и неизуточно, хотелось надеть теплые носки и сидеть и выпить ромашки воды.

Скрип досок нарушив гул воды. Мазин подумал, что возвращается Борис, но прищуренный, потоптавшийся на крыльце, не толкнул дверь по-коэзикски, не постучал.

— Всё.

Появилась незнакомая фигура в модной заграниценной куртке на застежке «молния». По блестящей ткани стекали струйки.

— Увидел огонек и позвонил себе, помня приглашение...

— Это ты, Демьянчик? Не узнал вас в куртке.

— С вашего позволения, за сапогами зашел. Да бой здоровья Борису Михайловичу. А куртку мне художник Калугин привез. Теплая она, легкая, хотя и не в возрасте...

— Тенер молодые и старые одинаково одеваются. Гасполагайтесь. Борис высокомерно худо, пока я сплю. Выспеть не хотите?

— Спиритного не употребляю. А вы в гости к нам?

— Да, вот заманили меня Борис Михайлович в ваши края.

— Края любознательные, во многом еще первозданные. Мало где природу такую смело художники изображают. Вы, извиняюсь, как и Борис Михайлович, по гордизмической части работаете?

— По медицинской, — сказал Мазин нехотя. «Вечно Борька что-нибудь выдумывает!» — Как вамчи члены?

— Трудятся членки. Все плюхливое производство пользу человеку приносит. Много целебных продуктов дают...

Старик не закончил, услыхав шаги. Сосновский распахнул дверь, вытирая мокрое лицо новым платком.

— Задался? Игорь? Или Демьянчик тут? За сапогами пришел?

— За письмо. Борис Михайлович.

Пасечник кивнулся со ступни.

Сейчас достану. Да сиди ты, хрисла ради. — Борис повернулся к Мазину. — Задамся там, а я думаю, что это Калугин мой интересовался? Ну и решай сбегать.

— Что же?

— Потоптавшись. У него с Валерием разговор происходил. Кажется, прошлое папашу. Выглядели они мрачновато. Страсти и охладили, замолкли оба. Но Калугину уда не до мэрии было, да и жена юшла. Постепенно общий разговор начался, хотя и наигривало.

Сосновский вытищил на рюкзака сапоги.

— Держи, Демьянчик. Примерь!

— И так вижу: в самый раз. Что я должен, Борис Михайлович?

— Ему же, конечно, — сказал Борис.

— Для предметного благодарения. — Пасечник засмеялся.

— Чудак... — сказал Сосновский ему вслед. — Надел бы сапоги. Дождь как вчера подливает. А нас ждут на медвежатину.

Дача художника светилась в пелене дожди, напоминала корабль, застингнутый штурмом в бурном море. Сверкнула молния, высветив контуры дома, и снова проактися по ущелью гром, но этот раз сильнее, чем раньше, и продолжительнее. После вспышки тьма стала еще чернее, и особняк Калугина больше не выделялся в ней.

— Калугину алекторят?

— О да, — сказал Сосновский. — И не художественной линии. Постой... Свет-то погас!

Образовалось провода или стебль подмыло. Мазин освещал путь фонариком-мужжиком, склоняя его левой рукой.

Марина Калугина, одетая в туловину взаправду кофту, встретила их с подсвечником. Выглядела она забочено.

— Ко всему почемучики выключили свет. Приходится коротать время в романтическом полумраке. Не ворачивайте? Тогда раздевайтесь.

На вензеле в прихожей уже собралось много одеялок, в том числе две куртки, похожие на куртку Демьянчика. Мазин повесил болонью между ними и прошел вслед за женой художника. Она показалась ему совсем молодой.

Сосновский услыхал необычное впечатление от большой комнаты. В центре находился широкий круглый стол, вернее, обрамленный дубовым пеньем с набитыми позверами толстыми, грубо обработанными досками. В стены напротив двери гранитными глыбами был выложен камин. Жарко горели смолистые поленья, отчет в комнате назалось особенно тепло и уютно. Освещали ее с десницей свечей, вставленные в сработанные природой подсвечники, корни и сучья, лица слегка поддраживали руки мастера. Калугин строго выдергал гостиную в определенном, диквато-окончительном стиле.

Вдоль стола и поодаль сидели люди, знакомые Мазину. У каминя, прятав ноги к открытым пламени Кушнарев, Валерий склонялся бутылкой с грушевым вином к лицу. В руках у него вместо птицы был большой скотинный нож. В стороне сидела учительница и бородатый парень-туррист с журналом «Юность». От стола их отделяла белоголовая медведица шкура. Полонки из кожаных скатые в кулаки руки, присел на стол Филиппенко, человек лет тридцати пяти. Мускулы плотно подпирали его ипонченную гимнастическую, скваченную нововенным официрским ремнем. Свечи оттеняли лицо с густыми бровями и крупным носом. Под глазами виднелись темные мешки отеков, что не вязались с прямой духовной фигурой. Додержавши скамью на последней госте, пасечник Демьянчик, Мазин понял, что хозяин комнате нет. Марина, которая успела тем временем два или три раза перервать гостиную и прокурнуть от свечи сигарету, откланялась на его мысль.

Михаил Михайлович решил, что света недостаточно, и отправился в мастерскую за лампой, которая сломалась полгода назад. Тенер он там возится, мы же ждем.

— Хозяин всегда прав, — возразил Сосновский примирительно.

— Валерий, ты не прогонишь отца?

Тот посмотрел на Марину как-то непонятно и не ответил.

— Я люблю тебя, Валерий.

— Не стоит.

Мазин не понял, что не стоит просить или идти наверх.

— Позвольте же, с вашим разрешением, побеседовать с Михаилом Михайловичем, — предложил пасечник.

— Сделайте одолжение.

— Я пойду к тебе, — заявил Валерий и вышел в другую дверь.

Мазин подсек к учительнице.

— Как вы поиск?

— Самолет лежит в трудном месте, но Олег собирается изобраться по склону.

— Нужно ли рисковать? — спросил Мазин, упав наконец, как зевут парня, глаза. Олег ничего не говорил.

— Нужно, — ответил Олег лаконично.

Демьянчик задергалась. Марина, кривя в тонах пальцах сигарету, поклядывала то на лестницу, откуда должен был появиться Калугин, то

на дверь, в которую вышел Валерий. Потом она подошла к этой двери и скрылась за ней. И тут же вернулся пасечник. Он не улыбался, как обычно.

— Михаил Михайлович некхорошо. Где Марина Викторовна?

— Нуужо ее позматъ, — предложил Сосновский.

— Минутку.

Был доктор, Игорь Николаевич? Помогите его.

Мазин бросил недобрый взгляд на Бориса, и они втроем вышли из комнаты. Сосновский остановился.

— Михаил Михайлович скончался.

Это произвело негромко и непразднодобно.

— Умер?

— Видно, Михаил Михайлович заржал ружье, и произошел выстрел...

Мазин первым вошел в мастерскую. Наверно, днем здесь было очень светло, целая стена и часть крыши были стеклянными, но теперь только тусклые свечи выделяли из мрака отделенные квадратами оконные рамы, сквозь которые виднелись вспыхивающие холмом и крестом, в которых, словно отыскавшие на сплаву, сидел мертвой Калугин. У ног его лежало ружье. Тульское, добродотное, с наручкой. Выстрела в упор об击了ельствовую ткань, края рваного отверстия проплыли кровью. Глаза Калугина были полуприкрытые и неподвижны. На чисто выбитом, скорее крестьянском, простоватом, чем интеллигентном, лице застыла боль. Сосновский наклонился.

— Невероятно, чтобы случайный выстрел произошел одновременно из двух стволов.

— Как же вы понимаете? — спросил пасечник.

— Самоубийство? — Борис раздвинул пальцы замерил рассказом от муши до курок, потом приподнял длань руки художника и показал голову. — Стволы снаружи, винт в двери, дверь со скучных крючков. Иногда это делают поганы, — Калугин, кстати, в упор не видел никому пачок...

Хлопнула дверь позади, и Мазин едва успел поддержать вошедшую Марину. Она замерла, даже не крикнула.

— Марина Викторовна! — попросил Сосновский. — Умоляю вас, будьте муджестиной. Вы должны помочь. Милиция доберется не скоро, и убийца может воспользоваться временем...

— Убийца? Временем? Кто это сделал?

— Мы не знаем. Но преступник недалеко. Может быть, здесь, в доме. Когда произошел выстрел?

— Я не слышала выстрела.

— Ни ты, Демьянчик?

— Не слышала.

Что за чушь? — нахмурился Борис Михайлович. — Марина Викторовна, соберитесь с силами. Пригадайте. Вспомните, пожалуйста, когда Михаил Михайлович поднялся в мастерскую?

— Сразу, как только потух свет.

— Кто мог подняться сюда за это время?

— Не знаю. Никто. Каждый. Муж не любит свечи. Считает, что они чадят. Они вспыхивают слишком быстро, так, будто горят самими. Поэтому Марина Викторовна часто сидела в кресле, в залоге замка. Мы видели минут пятнадцать. Потом мне стало неудобно держать зеркало в темноте, и я зажгла свечи. За это время каждый мог подняться. Но я и ее верю. Зачем? Зачем?

Это важный вопрос. Хрипела ли Михаил Михайлович в мастерской какие-нибудь цинности?

— Ничего, кроме этюдов.

Ружье всегда было здесь?

— Оно висело над тахтой.

— Будем считать, что ружье сняли со стены. Что ж нам известно? — обратился Сосновский к Мазину и Демьянчику.

Оба промолчали.

— Но никто не стрелял! — повторила Марина. — Я не видела, как преступник следил за гостями. Только помню, хорошо известный Михаил Михайлович, мот свое бодро войти в мастерскую, взять ружье и кувык в упор, не вызывая подозрений. Теберий убийца рассчитывал, что Калугин не назовет его имени. Марина Викторовна! Помогите нам лишил его этой уверенности.

— Как? — спросила Марина, ничего не поняла.

— Вам нужно спуститься и сказать, что Михаил Михайлович жив, но еще не пришел к себе.

— Это невозможно. Скажите сами. Я не могу.

Сказали должны вы. А мы посмотрим, как откликнутся гости.

— Хорошо, я попытаюсь.

Мазин и Борис подняли художника с кресла и перенесли на тахту. Женя подхватила его пальмы, приводя пасечнику в виски.

Победите, Марина Викторовна.

Сосновский взвесил ее под руку. Демьянчик поднял пальцы свету.

Что там стражась? — спросил первым Кушнарев, когда они спустились.

— Ужасный... ужасный случай... Он заржал ружье...

Рана не смертельная. Игорь Николаевич оказал первую помощь. Попытаемся связаться с больницей, — пояснил Сосновский.

Мазин успел отглядеть каждого, но не увидел ничего, что могло бы дать подсказку для разыскиваний. Все вели себя спокойно. Даже подчеркнуто спокойно. Он не заметил, что это не было спокойно. Всех, самое главное, то, что они не пытались скрыться в темноте, в залоге замка, в спальне. Калугин был спокоен и спокойен.

В общем, реакция казалась нормальной. Ни кто не пронял страха и растерянности. Впрочем, при свечах многое могло и ускользнуть.

Сейчас лучше ложиться спать... — продолжал Борис Михайлович. — А нам придется пойти позвонить... — повернулся он к Мазину.

— Тот кивнул.

— У тебя клык от почты, Матей?

Егерь отдала клык со связки.

Мазин почесал почту, отсыпал в пальцы и положил в ящик. Филиппенко испытала функции почты и телефонистки, прослышав в близком отделении двора часа в день. Домик этот находился неподалеку, и Сосновский с Мазином добирались туда за несколько минут. однако попытка связаться с райцентром оказалась неудачной.

— Похоже, связь повреждена.

— Не мудрено в такую погодку, — отозвался Мазин меланхолично. Он совсем не так представлял долгожданный отпуск. Дождь продолжал неукромно заливать ущелье. Игорь Николаевич пригласил синоптическое волшебство. — Зато будешь что рассказать студентам. Небольшая климатическая сказка размозга для научного ученого... Кстати, ты блестяще принялся за дело.

— Шутки сейчас неуместны.

— Почему? — Мазин кашнул слегка корисковой лампу в решетку на чехле, вынесшую на крючке, виничном в потолок. По тесной, давно не беленой комнате заметались тени. — Всё юмора тебе не обйтись. Особо много осталось у тебя с покойником. Ведь ты надеешься, что его приведут обратно из другой реальности?

— Считается, что знаток неудачных?

— Наоборот. Потеряешь за ночь пару килограммов. При склонности к полноте это хороший вымысел.

— Я думал, что туда пойдешь ты.

— Я??

— Конечно. Убийца наверняка будет следить за мной. А ты сможешь действовать, не привлекая внимания.

Мазин задумался.

— Я думаю, тебе занятересует необычное дело, Игорь.

— Что ты увидел необычного?

Хотя бы то, что никто не слышал выстрела.

— Выстрел произошел одновременно с громом. Прибавь дождь, гул реки и лист каменных стены, и все станет на место. Ракет!

— Как можно рассчитывать удар грома?

— Гроза продолжалась не меньше получаса.

Из грома мог и не ударить, когда убийца навел ружье на Калугина. Но мог же и не держать его на приемке несколько минут, дождаться очередного спасения.

Конечно, нет. Ты правильно предположил, что убийца хорошо знал комозин. Он без помех взял ружье и поднял его, когда вспыхнула молния. Она предвратила его в на несколько секунд. По испытке, кстати, можно предположить и силу удара.

— Да... Хладнокровный наездец. Придет нам повозиться.

— Жалко успоко.

— Прекрати, Игорь. Это твой док. Мы не знаем, когда придет милиция. Неважно это было. Ты ее продумал. Ситуация складывается в нашу пользу. Важно, чтобы киберисты твои подозревали — рядовой врач. Мы даже фиксируем: я брошу по посыпку в гороховом пальто с дуплом и отвлечу преступника, а ты дашешь настоящее дело. Разумеется, и я не ограничиваюсь показухой.

— Ты перегнул, объясни Калугина живым. Мы имеем дело не с дураком. Он стрелял в упор на двух стволах, а ты хочешь убедить его в том, что он промахнулся.

— Не согласись. Прекрасно понимаешь не пакхматная задача. Всего не расскажешь. И не работай с ней! Он был опасен, что Калугин заподозрил его, что кто-нибудь войдет в мастерскую, что гром задергится... И так до бесконечности. В подобном состоянии неизвестность неизбежна. Разве ты не помнишь случаев, когда пушка проходила в миллиметре от сердца? Ои...

Пушки не картечью дулетом... И почему не может быть убийца — женихом? Что мы знаем о мотивах?

— Тут и пас. Вообщем все это непроверено.

— Задачка! — пронесся Мазин, поспешно отступая под написком Бориса. — Интересно, что убийца предпримет дальше? Конечно, твой ход — типичная авантюра по лулу: не случилось, показал, не предумышлен. Однако всю ночь я буду выдергивать из-под сна.

— Игорь! Ты настоящий друг. Спасибо, старик!

Борис не будь сентиментальным. Это не идет лысцеющему научному работнику. Следите так: я неслучайно поднимусь в мастерскую, а ты по��тишь у гостей на глазах. Потом подменени мени.

— Обязательно заряди рукоятку! Патронты на стекне.

Они поспешили к даче. Смутная тень мелькнула впереди. Человек шел без фонари.

— Ты, Матвей?

— Я... — ответил егерь. — Дозвонились?

— Нет. Забыл кий.

Несколько густых огненных светильников свелились в очах второго этажа и один из которых, в мандарине. Не доходя пол-кварта, Мазин шагнул в сторону. Сосенский поднялся со ступенек. Игорь Николаевич услыхал слова Марии:

— Наконец-то! Мне так страшно.

— В мастерской никого нет?

— Нет, я сказала, что он забылся.

Мазин обогнул дом и огляделся, но ничего подозрительного не обнаружил. Дождь немного ослабел, и гроза прекратилась, зато потом рече звучал сильнее, тревожнее. Через заднюю дверь Игорь Николаевич пронес чистую магию. Слышалось, как вспыхнуло пламя на маленьком огниве. Игорь оторвался от двери и, он сознавал, с облегчением, побоялся, что промахнется, и стал подниматься, стараясь не шуметь.

«Прекрасное начало отъезда», — покривлялся Мазин мобилизоваться на помощь юмору, но это почти не помогло. Обстановка была жутковатой. В поустыдливой комнате обновлялись холод и сырость. Струйки воздуха, просачивающиеся сквозь щели, колебливы язычок пламени на маленьком огниве. Игорь Николаевич пересел на мансарду и опустился на кресло так, чтобы мольберт отображивал его от двери и, он сознавал, с облегчением, побоялся, что промахнется.

«Нервы оторвались», — подумал он неслучайно, убеждаясь, что приступом застыл мертвым художником. Сосенский смесьтало проишествие. Состыло звать мертвого художника. Отворил ворот доктор. А может, это и к здешнему? Убийца скроешь решительно. Если решится? Если попадется на удачу? И, словно подстегнутый этой мыслью, огонек затрепетал беспомощно и погас. Наступил полный мрак, но не ненадолго. Постепенно окружающие предметы выступили из темноты.

Мазин поклялся себе на том, что ему хочется заглянуть на мертвого. «Чертоващина какая! Право! «Вий»! Нет, нужно подойти и посмотреть. Убедиться, что ничего странного нет. Обыкновенный мертвый. Кто же превратил его в труп? Зачем? И снова Игорь Николаевич почтуировал, что не может сосредоточиться. «Хватит!» Он встал и решительно направил луч фонарика на художника... И задрожал: из груди мертвого торчал глубоко вражженный в тело охотничий нож.

Игорь Николаевич опустил фонарик и перевел дыхание. Первым привело чувство досады, порожденное: «Сам виноват, проглат, опоздал». Вторым — недумение: «Как он успел? Когда?» Потом стало сплошное: «Что-то мы и приобрели, заставили убийцу действовать, а значит, оставить новые следы, нервничать. Он был в гостиной, когда Борис сказал, что Калугин жив. Хоть это доказывало».

Мария Сосновская сплюнула и спустилась на второй этаж. На столе горела лампа с никко забранным фитилем. В кресле, положив голову на спинку, дремал Сосновский.

— Сите спокойно, орлы боевые.

Борис задрогнулся и заморгал.

Мария налила в стакан вина.

— За блестящую победу криминалистической школы профессора Сосновского!

— Смеешься? Я же kosten.

— Но ты забыл о раках. Для меня же ты академик. А также мореплаватель и плющник. И герой на общественных началах. Ты все угадал. Борис... Скоро посмотрим сам... а, и, пожалуй, выпью и съем холодной мед-вежки.

Пока Сосновский осматривал мастерскую, Мазин положил на тарелку кусок масла, перекус, густо помазал горчицей и проникался за еду. Когда Борис Михайлович вернулся, тарелка была почти пуста.

— Ничего себе обмыкаешься!

— Будем точны и спрашиваем: не мы, а я... — Игорь Николаевич отошел к окну, выглядел он виновато и карападом. — Поэтому шутки в сторону. Начнем с наименее подозрительных. Первым я стала самого Калугина. Он один из трех, наверняка не принимавших участия в убийстве. Двое других — Игорь Николаевич Мазин, о котором мы доподлинно известно, что он незнаком, и Борис Михайлович Сосновский, пребывающий на вилле у Мазина.

— Благодарю за злоби.

— Оно понадобилось местной милиции. Еще двух людей мне хотелось бы исключить из круга подозреваемых: Марину Калугину и пасечника. И Демидова и Марину. Помимо начала я знал, что Калугин мертв, и у них не было необходимости реагировать его вторично.

Тогда вычеркни их.

— Отнюдь бы... Однако история слишком запутана, чтобы быть категоричными хоть в чем-то. Пока отчеркни их от других, которых ты мне перечислил.

— Кушнирев, архитектор.

— Вышибший архитектор. Есть. Олег, турист, Лев.

— Егор, Филиппов, гром. Учительница исключается.

Не видел, кстати. Валерий, пять. Вот и обойди. Что скажешь?

— Не могу даже отдаленно предположить, зачем одному из них понадобилось покушаться на Калугина.

— Попробуй от противного. Зачем им, вернее, потому что не было нужно?

— Для Кушнирева смерть Калугина — тяжелый удар.

— Они старые друзья?

— Пожалуйста. Кто на Калугуни упомянул, что многим обязан Алексею Фомичу.

А тот фигура странная. Быде же пострадал, перетерпел, не смог войти в колено. Либо просто...

Либо просто, однако неопределенно. Оставил пока. Следующий Олег.

— Его ты знаешь не меньше моего.

— Почему он живет у Калугина?

— Тот принимал всех, кто ни появится в Дагезане.

Итак, личность скрывающейся, а грабеж исключен. Но есть в нем что-то замкнутое, скрытое. И решительное одновременно.

— Психолог?

— Увы. Одного психолога.

Кто на Калугуни извлекало решительный. С Калугиным отношения неровные. Тот возмутился браконьерством, но окотно покупал у Филиппена мясо и шкуры. Ему призывают патронами.

— Берем на заметку. Глядя? Согласен, что они меньше всех похожа на убийцу, но не все убийцы совершаются в одиночку.

— Чувству! Вышибщик учителяницу!

— Номер пять?

— Вот это номер, прости каламбур. Сын. Сам видел, каков. Но в отношении убийства верить не хотим.

— Молодец. Однако где он был весь вечер?

— Когда мы пришли, Валерий откупоривал бутылки.

— Но сам?

— Пожалуйста. Пришел к природе. Был спущен Филиппенко.

— Извини: Рената зайти там? С Михаилом?

— Не хуже, чем было. Ты что снават собрался?

— Если не хуже, тогда хорошо. Помощи-то ждать долго. Связи не будет, стоять поносилось. И мост тоже.

Собицкая он это обычно. Видел было, что здесь, в горах, событие такое не относилось к числу неизвестных.

— Давай сюда. Кто как стоял: молчал, зараза. Факт, стояли понесло. Значит, и мост не устоял. Я ремонтикам двадцать раз говорил: на сопках дергаться. Все же, думаю, нужно сбегать. Помешал — точно.

— Трудно было?

— Миг-то? Какой тут миг! По дороге километров десять.

— Вышиб Матвей, согреялся, — предложил Сосновский.

— Охота, конечно, здорово, но погода для нее.

— Короче, дверь — крепкая воля... — сказал Мазин. — Сейчас мы еще раз проверим вашу каламбур. Давайте поднимемся к Калугину.

— Не потревожим? — заколебался Филиппенко.

— Не беспокойтесь.

Продолжение следует.

Рисунок Владимира БЛАНКМАНА

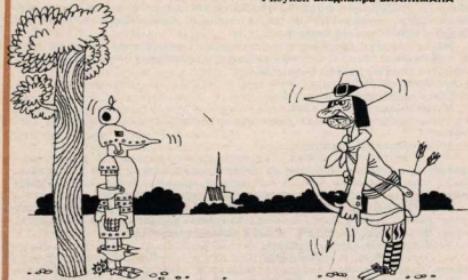

Рисунок Владимира БЛАНКМАНА

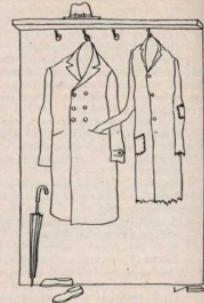

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Рисунок Константина МОЖИНИНА

Рисунок Константина МОЖИНИНА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

АМЕРИКА, В КОТОРУЮ Я ВЕРЮ

Гарри АЙЗМАН

Для меня эти эмблемы —
не просто коллекция.
За каждой эмблемой я вижу
многих людей, которые шагают
в колоннах демонстраций

у Пентагона или у армейских
привозных пунктов, вину рабочих,
которые разбирают бастующие фабрики,
студентов, протестующих
против полицейской расправы в «кемпусах».
Эти эмблемы —
хроника борьбы прогрессивных американцев
в наши дни. Но, глядя на коллекцию,
я вспоминаю и далёкие
двадцатые годы, когда,
будучи студентом,
я получил пять лет тюрьмы
за участие в демонстрации.
Американские власти вынуждены
были освободить меня досрочно
благодаря протестам пионеров
из разных стран, и я приехал
в СССР, где живу с тех пор...
Обратите внимание
на три самые большие «путаницы»

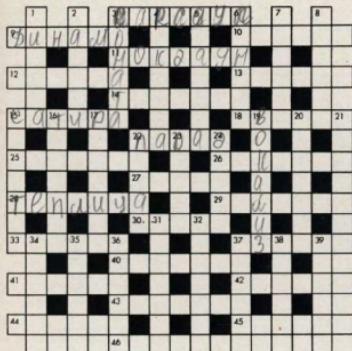
в подборке. На верхней —
портрет Марка Лайера Кинга,
изображён — нарисованный
«Женщины, борющиеся за мир»,
на нижней — призыв «мир во Вьетнаме». Три нагрудные эмблемы —
символы трех бурлящих потоков
в жизни сегодняшней Америки.
Рядом — несколько значков,
выпущенных участниками различных
движений.

[21 октября 1968 г.
14—15 ноября 1969 г., 15 апреля 1970 г.],
во время которых миллионы американцев
заполнили улицы и площади больших
и малых городов США, требуя
прекратить преступную войну
в Индонезии, остановить
полицейские репрессии, снизить налоги.

На 4-й обл.

КРОССВОРД

Составил И. КУПОВ, г. Рязань

По горизонтали:

- Среди членов спортивного общества.
- Метод научного исследования.
- Союз писателей.
- Персональная форма.
- Слово в прозе.
- Произведения литературы обличительного содержания.
- Промышленный смотр войск.
- Теплое место.
- Одна из игр Альянса.
- Ремонт в Тюменской области.
- Помещение для выращивания растений.
- Часто радиоустановки.
- Река, владеющая в Черном море.
- Итальянский инвестор из эпохи Возрождения.
- Место, где изобилует пушниной.
- Яленский порт на Охотском море.
- Старинный город в Белоруссии.
- Город Марийской татарии.
- Алтайский пункт на Дону и Неволин.
- Позма В. Малюнского.
- Советский летчик-космонавт.
- Город в Азербайджане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЕ В 21

По горизонтали:

- Чулым.
- Дудинка.
- Уланова.
- Рерих.
- Сережкин.
- Баланс.
- Лавсан.
- Мазяренко.
- Логотип.
- Брама.
- Обухова.
- Треплев.
- Малер.
- «Бедотта».
- «Индрана».
- Чубук.

По вертикали:

- Рисунок А. Чехова.
- Печать Н. Толстого.
- Музикальное произведение.
- Значок на фронтовом альбоме.
- Водное семейство дельфиновых.
- Химический элемент.
- Одна из пяти групп В. Ильина.
- Разговор между несколькими лицами.
- Самые странные.
- Город в Калининской области.
- Рельефная кладда.
- Небольшое, вокальное произведение.
- Взырывающая травянистая растениевидная пригорюна.
- Торгово-ремесленный пригород Древней Греции.
- Французский писатель эпохи Возрождения.
- Денежная единица Юго-Востока.
- Северный Сибирь.
- Основание, поход для добывания золота из горных щебней, один из инициаторов стакановского движения в Донбассе.
- Знак заслуженности атома химического элемента.
- Строки в Элейском оракуле.
- Древнерусское оружие.
- Город в Венгрии.
- Народный художник СССР, график.

На рисунке четыре кружочки. Дорисуйте к ним еще один, чтобы в каждом горизонтальном и вертикальном ряду было по два кружочка.

- Кулиева.
- Чардаш.
- Ладыженская.
- Арамаш.
- Лурд.
- Музыкальный фестиваль.
- Лицо.
- Лишко.
- Скны.
- Лицо.
- Бобслей.
- Тромбон.
- Олеандр.
- Грециины.
- Ваххаби.
- Старин.
- Хлеб.

РЫБАЦКИЙ ХЛЕБ

Слова Анатолия ГОРЮШКИНА
Музыка Виктора КУПРЕВИЧА

Рыбацкий поселок. Соленый песок.
На запад уходим, на восток.
За рыбой пугливой, за счастливым морским,
За счастьем рыбаками, мони и твоми.

Рыбацкий поселок остался во тьме.
Так сладко качает на первой волне.
И хлеб наш рыбакинг туманом пропах.
Он крошится в нежных и грубых руках,

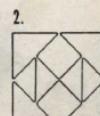
и грубых руках.

Мы хлеб разломили — он сладок на вкус.
В нем берег далекий и моря грусти.
Он дымом пропитан. Он пахнет морской,
он пахнет травой.
И нашей разлукой. И скежей листовой,
и свежей листовой.

Рыбацкий поселок. Соленый песок.
На запад уходим, идея на восток.
За рыбой пугливой, за счастливым морским,
За счастьем рыбаками, мони и твоми.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 21

1.	8	3	7	2	4	6
2.	4	8	2	9	2	8
3.	5	2	5	1	5	6
4.	9	1	6	7	2	8

АМЕРИКА, В КОТОРУЮ Я ВЕРЮ

С 32-й стр.

Слова «верю» — небольшой значок новой, марксистско-ленинской организации американской молодежи — Союза молодых рабочих за освобождение. Здесь тоже граббони — символы, означающие преследование, рост налогов и тут же гордый призыв: «Власть — рабочим!». Сжатые кулаки, черный и белый, символизируют единство американцев разного цвета кожи в борьбе с общими врагами — капитализмом.

Квадратный значок справа [надпись «Беттерс за мир» на фоне флага Соединенных Штатов] принадлежит организации тех солдат и офицеров, которые своим глазами увидели чудовищную преступность американской агрессии в Юго-Восточной Азии. К этим людям, хотя и с запозданием, привнес горячее раскаяние, и они во весь голос говорят:

о несчастном деревенском Сонгми, о солдатах, которых избили и бросили в «тигровые клетки», о всех бесчинственных злодействах американцев в военном Формосе. Значок расположенный чуть ниже, — символическое соседство.

Он словно программа, краткая и бескомпромиссная.

Дуло автомата — в землю, насыпь — на землю, и надпись: «Дуло — это слово». «Все понадоблено».

Люди, надевающие в Америке все эти знаки, не спрашивают об их цене: каждый дает сколько может, крохи фонд солидарности. Люди, надевающие эти значки, идут в бой за мирную и демократическую Америку.